ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 105 (3134) Четверг, 3 сентября 1953 г. Цена 40 коп.

Наши мирные планы

Выступая на пленуме Советского Комитета защиты мира, я по поручению наших колхозников заявила, что советское крестьянство отстаивает дело мира и идею мирных переговоров великих держав. Мир нам нужен, чтобы осуществить все задуманное на ближайшие годы. А задумано очень и очень многое. Я расскажу об этом потому, что даже на примере одного нашего хозяйства можно проследить, как живут советские люди, почему они страстно желают мира.

Наш Сарпинский район расположен в степи. Летом здесь жара поднимается до 43 градусов и выше, а зимой стоят трескучие морозы с ветрами. Еще совсем недавно считалось, что наши степи не пригодны для развития сельского хозяйства. А теперь едешь из Сталинграда на машине и вдруг видишь,—как оазис в пустыне, — село, утопающее в фруктовых садах, улицы, затененные сросшимися кронами деревьев, домики, строения. Да и название-то у нашего села — Садовое. В этой степи мы не только создали село-сад, организовали зерновое хозяйство, но и успешно развиваем животноводство. Сложно, очень сложно было! Успех достается труднее, чем описывают иной раз в романах. У нас много еще недостатков, трудностей, которые теперь, благодаря огромной помощи партии и правительства, будет, конечно, намного легче преодолеть.

Я не преувеличу, если скажу, что потребовались действительно героические усилия колхозников, чтобы посеять пять тысяч гектаров многолетних трав. Теперь у нас 48 тысяч тонкорунных овец, две с половиной тысячи голов крупного рогатого скота. Все стадо круглый год обеспечено кормами.

У нас достаточно хлеба, мяса, молока и других продуктов. Помимо богатого трудодня, в каждом колхозном дворе — по две коровы (с молодняком), по 25 овец, домашняя птица, хорошие сады. Взамен старых глинобитных мазанок сооружаются деревянные дома на две-три комнаты: с террасой, шиферными крышами. Это меняет облик села, делает его нарядным, светлым.

И это только начало больших работ. Наши мирные планы обширны. Решили в ближайшие два-три года довести поголовье тонкорунных овец до 86 тысяч, чтобы дать еще больше высококачественной шерсти на костюмы и платья советских людей. Мы мечтаем о расширении садов. Наш колхоз, расположенный в засушливой полупустыне, решил стать крупным поставщиком овощей для промышленного Сталинграда. Я назову этот план дерзким потому, что еще год назад в артели было всего семь гектаров огородов, мы не обеспечивали овощами даже себя. А сейчас заводим две с половиной тысячи гектаров поливных огородов. Это будет фабрика овощей.

Нам ли, советским людям, при таких планах не бороться за мир? Мы приложим все усилия, чтобы выполнить наши хозяйственные планы, которые помогут создать для страны изобилие продуктов и товаров.

Т. ВОРОНОВА,
агроном колхоза «Гигант» Сарпинского района, Сталинградской области, член Советского Комитета защиты мира

***

Когда мы, участники пленума Советского Комитета защиты мира, высказались в своей резолюции за урегулирование всех разногласий между государствами путем переговоров, мы этим лишь отразили настроения и требования советских людей, их неуклонное стремление к миру во всем мире. Я заявляю это, основываясь на тех многочисленных беседах с советскими людьми, которые мне приходилось вести во время своих последних поездок по Сибири.

Расскажу о трех таких встречах — с М. Медведевой, преподавательницей Иркутского педагогического училища, капитаном байкальского парохода Н. Марфиным и паровозным машинистом В. Рудиковским. Люди они, как видите, разные по профессии, да и по годам, характерам.

Я интересовался их думами, планами. Медведева, заслуженная учительница, депутат областного Совета, рассказывала о том, как будет благоустроен город, как расширится сеть учебных заведений, много интересного поведала о судьбах своих питомцев. Капитан Марфин увлекательно рассказывал о том, как они буксируют по бурному Байкалу лес — караваны «сигар» длиною в два километра. Рудиковский занят одной мыслью — к концу пятилетки довести экономию по эксплуатации своего паровоза до миллиона рублей.

Каждый рассказывал о своем, но у каждого планы были рассчитаны на многие годы мирного труда. И каждый из этих трех моих собеседников с гордостью говорил об успехах мирной политики нашего правительства.

Эту политику горячо одобряют все советские люди, потому что она полностью отвечает их жизненным планам. И каждый раз, когда нам, членам комитетов защиты мира, приходится выступать перед народом, от нас требуют усиления движения за мир, за мирное разрешение всех конфликтов и всех спорных вопросов между государствами.

Это требование мы и выразили в своем решении, принятом в Москве.

И. МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ,
писатель, член Советского Комитета защиты мира

Крупнейшая фонотека страны

Однажды аппарат, созданный человеческими руками, заговорил. Это настолько поразило воображение современников, что некоторые ученые, как это было, например, во французской Академии наук, где в 1878 году впервые демонстрировался фонограф, заподозрили грубую мистификацию. Запись звука тогда считалась неразрешимой проблемой.

Ныне созданы разнообразные совершенные аппараты, позволяющие записывать почти все звуки, которые способно слышать человеческое ухо. Существуют целые «фабрики звуков» — предприятия по записи музыкально-художественных и литературных произведений. Эти записи, подчас уникальные и представляющие большую историческую и художественную ценность, мы слушаем по радио.

Одной из «фабрик звуков» является Государственный дом звукозаписи в Москве, располагающий новейшей отечественной аппаратурой, кадрами квалифицированных специалистов, прекрасными студиями и лабораториями.

Как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Государственном доме звукозаписи, в Москву возвратилась экспедиция из Узбекской ССР. Она записала произведения Чайковского, Ипполитова-Иванова, Калинникова и узбекского композитора Бурханова в исполнении Государственной узбекской хоровой капеллы, отрывки из новой оперы Ашрафи и Василенко о Большом Ферганском канале, отрывки из «Евгения Онегина» Чайковского на узбекском языке, отдельные арии из азербайджанской оперы «Кер-Оглу» Гаджибекова, а также много современных советских песен узбекских авторов.

Экспедиции Дома звукозаписи побывали в Эстонии, Латвии, Литве, Казахстане, в городах Российской Федерации — Новосибирске, Молотове, Свердловске, Нижнем Тагиле. В Эстонии записаны десятки новых советских песен, созданных композиторами республики, симфонические произведения, отрывки из опер и т. д., в Свердловске — детская опера местного композитора Никольской «Девушка-семиделушка» в исполнении коллектива детской художественной самодеятельности городского Дворца пионеров.

До конца года намечено провести экспедиции на Украину, в Грузию, Азербайджан, Армению и Карело-Финскую ССР.

В Доме звукозаписи за двадцать лет образовалась обширная фонотека, насчитывающая десятки тысяч записей. Государственный дом звукозаписи снабжает своими записями весь Советский Союз, обменивается ими со странами народной демократии и распространяет в других странах мира.

Почему плохо осваивается Волго-Ахтубинская пойма

1. Стоит только перебраться через Волгу у Сталинграда, и начинается знаменитая Волго-Ахтубинская пойма — долина богатейшего плодородия. Тянется она вдоль Волги до песчаных берегов Каспия, достигая в иных местах ширины в полтораста километров.

В весенние разливы пойма почти полностью заливается водой. Могучая Волга приносит огромные массы плодородного ила. Многовековые запасы ее создали исключительно благоприятные условия для выращивания высоких урожаев сельскохозяйственных культур.

...Машина катит по проселочной извилистой дороге, среди густых, порой непроходимых зарослей. Плотной стеной стоят кряжистые дубы, а с ними вперемежку — ивы, черные тополя. На пути часто встречаются рощи из вяза, ветлы, осокоря. Чем дальше едешь на юг, к Астрахани, тем обильнее и разнообразнее растительность.

Но вот леса расступаются. Впереди — зеленое море трав, богатейшие луга. Какое разнотравье! Пламенеет костер, веет душистой осокой, цветет вейник и алтей. Травы такие высокие и густые, что создается впечатление — едешь как бы по туннелю.

Изредка попадаются колхозные посевы. Спеют томаты. Кусты сплошь усыпаны ярко-красными плодами. Наливается капуста: иные кочаны чуть не в обхват.

Овощеводство и садоводство — главные отрасли хозяйства здешних колхозов. Плодородные почвы, образованные вековыми отложениями ила, вода, тепло и свет обеспечивают небывалые урожаи огурцов, баклажан, моркови, картофеля, фруктов. Отдельные овощеводы снимают по шестисот центнеров томатов и картофеля с гектара. Значительны сборы и с бахчей: арбузов с гектара получают до пятисот центнеров. В пойме успешно выращиваются кенаф, сахарная свекла, южная конопля, рис. От здешних старожилов можно услышать слова: «У нас такие земли—воткнешь палку, и та корни даст...»

В народе пойму называют долиной плодородия. И тем досаднее, что колхозы Волго-Ахтубинской поймы занимают незначительный удельный вес в производстве овощей, картофеля и фруктов. Они даже не обеспечивают овощами такие промышленные центры, как Сталинград и Астрахань.

Ненормальное положение: рядом такой плодоносящий край, а Сталинград вынужден ежегодно завозить из центральных районов страны картофель. Между тем пойма могла бы стать крупнейшей картофельно-овощной базой не только Поволжья, но и многих других городов. Дело все в том, что пойменные земли используются плохо. Показательны такие цифры. Общая площадь долины, включая пойму и дельту Волги, составляет более двух миллионов гектаров. Площадей, которые можно уже теперь освоить под посевы, насчитывается около 600 тысяч гектаров, а используется лишь одна десятая часть их.

— Мы могли бы значительно расширить овощеводство и садоводство,— рассказывают в Сталинградском областном управлении сельского хозяйства и заготовок.— Но пока засеваем только возвышенные места поймы и площади, быстро освобождающиеся от паводковых вод. Остальные земли освобождаются от весеннего разлива только в июле.

У северных окраин Сталинграда, где берет начало Волго-Ахтубинская пойма, возводится гигантская гидроэлектростанция. Плотина, перекинувшаяся через реку, новейшие ирригационные сооружения навсчно обуздают паводковые воды, и пойма будет получать столько влаги, сколько потребуется колхозам. Это — перспектива ближайших лет. Но уже сейчас стоит поговорить о пустующих участках на пойме, которые успешно можно использовать под посевы и до того, как поднимется плотина Сталинградской гидроэлектростанции.

2. Средне-Ахтубинский район Сталинградской области занимает северо-западную сторону поймы. Куда ни бросишь взгляд,— повсюду леса, займища, щедро поросшие травой, сенокосные угодья. Среди рощ и дубрав раскинулись обширные пространства земель, пригодных к посеву. Колхозы занимаются овощеводством. Они проводят обваловывание затопляемых участков. Казалось бы, здесь и урожаи должны быть хорошими. Но на деле сборы овощей в районе снизились.

Бригадир-овощевод Тимофей Иванович Орлов из артели имени Кирова говорит:

— Раньше мы выращивали по 280 центнеров огурцов с гектара, а теперь — 240. Почему? Да потому, что не успеваем как следует обрабатывать землю, прополоть посевы. Сорняками зарастают овощи. Нужных машин нет.

Мы побывали в некоторых колхозах и повсеместно видели одну и ту же картину: все работы на плантациях производятся вручную.

— Нуждаемся в машинах, но где их достать? — жалуются колхозники.

То же самое говорят и работники Краснослободского районного управления сельского хозяйства и заготовок.

— МТС у вас имеются?

— МТС-то есть, но беда в том, что у них нет нужных машин для обработки посевов овощных культур. У нас нет даже картофелекопателей, приходится действовать лопатами.

Отставание в механизации полевых работ сильно дает себя знать.

Так обстоит дело не только в Краснослободском районе, но и в ряде других МТС Сталинградской области. Нет картофелекопалок, картофелесажалок, сеялок для внесения удобрений. Отсутствие нужной техники приводит к тому, что за последние годы некоторые колхозы стали сокращать посевные площади в пойме.

Разговор об освоении и использовании новых участков долины превращается в разговор о технике: нет машин для обработки пойменных полей, корчевки пней, нет прицепных орудий.

— Подготовьте нам участок у озера,— просит директора Колобовской МТС председатель артели имени Сталина Ленинского района Михаил Васильевич Холодков.

— Мил человек, я бы всей душой, но не могу. Нет у меня для этого машин.

Кругом богатые луга, займища, а скот к весне оказывается без корма. Нечем, видите ли, косить и убирать траву. В прошлом году колхозам Краснослободского района пришлось покупать сено.

Законно возникает вопрос: чем же в таких случаях занимаются машинно-тракторные станции? Оказывается, что МТС почти не имеют никакого отношения к колхозам, расположенным в долине плодородия, они ведут пахоту, уборку зерновых культур только в припойменных степных районах.

3. Вот что произошло однажды в Краснослободском районе. В колхозы прислали две картофелекопалки, их попытались применить, но они не подняли плотный, вязкий пойменный грунт и при испытании вышли из строя.

— Земли у нас необычные,— пояснил нам главный агроном Краснослободского районного управления сельского хозяйства и заготовок Петр Яковлевич Егоров. — В течение года они резко меняются: весной — топкие, летом — умеренные, а к осени становятся твердыми. У нас даже обычный плуг не везде применишь. Сенокосилки, успешно применяемые в степных районах, в пойме малопроизводительны. Ведь травы у нас густые, высокие; луга, как правило, находятся в вязких лощинах, где не каждая косилка пройдет.

Большая и неотложная проблема — создать новые и усовершенствовать старые машины для районов, расположенных в пойме. Нужны специальные картофелекопалки, свеклоподъемники, сеялки, культиваторы, сенокосилки, прополочные машины, прицепной инвентарь. Пора бы создать машины для сбора томатов, капусты...

С удивительным равнодушием относятся к нуждам Волго-Ахтубинской долины Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР и РСФСР. Единственно, что они предпринимают, это составляют планы расширения посевных площадей поймы и обязывают колхозы... добиваться высокого урожая овощей и фруктов. Попытки самих колхозников обратить серьезное внимание министерств на решение проблемных вопросов остаются бесплодными. Так, не раз в Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР вносили предложение организовать в пойме опорные пункты машинно-испытательных станций, которые помогли бы конструкторам и изобретателям создать необходимые машины для овощеводческих хозяйств. В министерстве поговорили о предложении и вскоре забыли о нем...

В пойме великое множество больших и малых озер, ериков. Они поросли камышовыми зарослями и чаканом. Это прекрасное сырье для силоса. Однако камыш и чакан не используются на корм по той простой причине, что их нечем косить.

К сожалению, проблемой создания машин для поймы никто по-настоящему не занимается. На территории Волго-Ахтубинской долины до сих пор нет даже машинно-испытательной станции. Не проявляют интереса к пойме Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина и всесоюзные научно-исследовательские институты механизации и электрификации сельского хозяйства.

— Полюбуйтесь,— предлагает председатель колхоза имени Молотова Ленинского района Василий Иванович Савотин, указывая на раскинувшуюся поляну.— Она занимает более трехсот гектаров. На ней мы мечтали выращивать овощи. Мечта не осуществилась.

Председатель с горечью поведал нам печальную историю. Колхозники давно засматривались на пустующую поляну, окруженную лесом.

— Зря пропадает земля. Сколько бы картофеля и томатов она родила!

Мешало половодье. Весной поляна покрывалась водой и долго не просыхала. Посоветовавшись, колхозники предложили поляну обваловать и тем самым преградить путь воде. Земляной вал был сооружен. Затратили чуть ли не полмиллиона рублей. На поляне разбили плантации, но посевы вскоре погибли. Оказалось, что поляна обильно подмывается грунтовыми водами. Они-то и послужили причиной гибели посадок. Стало ясно — поляну под посевы использовать нельзя. А ведь могло быть иначе. Заблаговременно сказанное слово почвоведа предотвратило бы ошибку колхозников. Сейчас в колхозе гадают: «Может быть, на поляне установить дренажные приспособления, которые понизят уровень грунтовых вод? Помогут ли они? Как бы опять не промахнуться».

Осторожнее поступили колхозники сельхозартели «1-е Мая» Краснослободского района. Им предложили заложить фруктовые сады.

— Вначале покажите нам места, где их закладывать,— заявили они в областном управлении сельского хозяйства и заготовок.

— Выбирайте сами.

Так новые сады и не заложили.

Кому за все это предъявить упрек? Колхозники адресуют его нашим почвоведам и научно-исследовательским институтам, в числе которых упоминаются институт удобрений, агротехники и агропочвоведения, агро-лесомелиоративный, овощного и картофельного хозяйств. Действительно, кто, как не названные институты, призваны тесно сотрудничать с колхозами, оказывать помощь?

Работники районных отделов сельского хозяйства и заготовок, колхозные агрономы заявляют:

— Ни инструкций, ни советов мы от институтов не получаем. Единственно, с чем нас познакомили, это то, что земли наши — наносные, и называются они аллювиальными...

Откуда же черпать знания колхозникам и агрономам? Литература? Нет таких книг, которые раскрыли бы «загадки» поймы. Мы заглянули в каталог библиотеки Сталинградского областного управления сельского хозяйства и заготовок. Книг и брошюр, посвященных Волго-Ахтубинской пойме, написано изрядно. Все они по содержанию сходны, как две капли воды: пойма — цветущий край, у нее блестящие перспективы! Ни один автор толковым, ясным, простым языком не рассказал колхозникам и агрономам о почвенных особенностях поймы. Мы взяли книгу И. С. Кувшинова «Развитие сельского хозяйства Волго-Ахтубинской зоны в связи со строительством Сталинградского гидроузла». Издана она Сельхозгизом в 1952 году. Автор книги, в сущности, ограничивается общими данными о пойме.

В Сталинградской области созданы плодоовощная селекционная и опытно-мелиоративная станции. Следует отдать должное им: они достигли неплохих результатов по выращиванию новых сельскохозяйственных культур в пойме и повышению урожайности овощей. Но свои достижения станции не пропагандируют, и создается впечатление, что они ревностно берегут их от «чужого» глаза.

***

На пятой сессии Верховного Совета СССР товарищ Г. М. Маленков сказал:

«Серьезное отставание имеет место также в производстве картофеля и овощей, что мешает делу улучшения снабжения этими продуктами населения городов и промышленных центров, не говоря уже о том, что недостаток картофеля сдерживает развитие животноводства».

Волго-Ахтубинская долина — долина зеленого золота — может и должна стать крупнейшей картофельно-овощной базой Поволжья.

В. РОСТОВЩИКОВ,
корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

К 125-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

НА ТРИДЦАТИ ЯЗЫКАХ

Через несколько дней наша страна отметит 125-летие со дня рождения гения русской литературы Льва Николаевича Толстого. В Союз советских писателей СССР в адрес комиссии по подготовке и проведению юбилея ежедневно поступают сообщения о лекциях, докладах, чтениях, выставках, посвященных великому писателю, о новых изданиях его сочинений.

Председатель комиссии Конст. Федин в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заявил:

— Нет такого уголка в нашей стране, где народ не отмечал бы день рождения великого русского мастера слова, своего любимого писателя. В пропаганде творчества Льва Толстого участвуют лучшие прозаики и литературоведы.

Любовь советских читателей к Л. Н. Толстому, огромный интерес к его творчеству сказываются, например, в том, какими огромными тиражами расходятся его книги. Только в этом году издательства выпускают свыше 8 миллионов экземпляров книг Л. Н. Толстого на тридцати языках.

Государственное издательство художественной литературы выпустит в этом году 22 издания тиражом в 5 миллионов экземпляров. Нам обещаны новые издания «Войны и мира» в двух томах, «Анны Карениной» (200 тысяч экземпляров), сборники рассказов и повестей, ряд книг с иллюстрациями художников Е. Лансере, В. Серова, Е. Самохвалова. Большой интерес представляют новые тома его полного собрания сочинений. Почти два миллиона экземпляров книг для юных читателей выйдет в Детгизе. Дети познакомятся с биографией гениального мастера слова, его прекрасными рассказами и сказками. Портреты работы И. Репина и Н. Ге, монографические плакаты, открытки выпускает Изогиз.

Свыше ста раз издавались в советские годы книги Л. Н. Толстого на Украине. Почти все основные произведения писателя вышли в Азербайджане, где ныне на азербайджанском языке готовится собрание его сочинений в 14 томах. Такое же собрание сочинений подготовляется на туркменском языке.

В Грузии, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, прибалтийских республиках, Татарии выпускаются однотомники, сборники и отдельные произведения писателя. Произведения его переведены также на башкирский, чувашский, дагестанский, эрзянский, мокшанский, коми языки.

Трудно переоценить мировое значение автора бессмертной эпопеи «Война и мир». Во многих зарубежных странах издавались и издаются его книги, интерес к нему неизменно растет. Стоит отметить такой факт: на Западе в последние годы выросло число исследовательских работ о творчестве Льва Толстого. Вызван этот факт возросшим вниманием читателей к его сочинениям. В лондонском университете мои беседы со студентами двух колледжей подтвердили эти наблюдения. То же самое мне говорили и английские писатели.

В столицах республик и крупных городах СССР 9 сентября состоятся торжественные заседания. В Москве его устраивают Академия наук СССР и Союз советских писателей СССР. На вечере прозвучат отрывки из произведений Толстого в исполнении наших лучших артистов.

Повсеместно в городах и селах проводятся чтения произведений Л. Н. Толстого, доклады и лекции о нем, открываются выставки в клубах, библиотеках, школах. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик созываются научные сессии. Главное управление радиоинформации посвящает великому писателю циклы специальных радиопередач. Сегодня мы получили сообщение из Казани о том, что в филиале Академии наук готовится заседание Ученого совета, в университете — научная конференция, в республиканской библиотеке имени В. И. Ленина, в музее А. М. Горького, в филиале Академии наук и университете открываются выставки, отображающие жизнь и творчество Толстого.

В Ясной Поляне экспозиция музея обогатилась новыми экспонатами, многими ценными реликвиями, до сих пор хранившимися в фондах и выставляемыми впервые. Недавно здесь открылась выставка произведений художников, посвятивших свои работы жизни Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Для участия в торжествах в Тулу и Ясную Поляну выедет большая делегация Союза советских писателей СССР и Академии наук СССР. Украинский Союз писателей также направит туда свою делегацию. Группа писателей выедет в место последнего пребывания великого мастера слова, в Астапово — ныне станция Лев-Толстой.

— Отрадно видеть эту любовь и глубокий интерес к жизни и творчеству Льва Толстого, это благоговейное отношение к его памяти,— заявил Конст. Федин.— Великий художник земли русской стал в наше время истинной гордостью всех советских народов. Толстой, гений русской литературы, живет в веках, — сознание это воодушевляет нас и зовет к новой и новой творческой работе.

Собрание московских писателей

1 сентября состоялось собрание московских писателей, посвященное итогам пятой сессии Верховного Совета СССР и задачам советской литературы. С докладом выступил заместитель генерального секретаря Союза советских писателей А. Сурков.

Подробно охарактеризовав огромное историческое значение решений сессии, направленных на дальнейшее улучшение материального благосостояния советского народа, повышение его культурного уровня, докладчик подчеркнул, что перед писателями сейчас встают новые серьезные задачи. Непрерывный духовный рост советских людей неустанно повышает их требования к искусству. Между тем за последнее время в литературе, кино, театре наблюдается известное затишье. Мало появляется ярких, глубоких, увлекательных произведений.

В заключение А. Сурков говорит о задачах улучшения работы писательских организаций в связи с новыми требованиями.

О неверном самоотстранении драматургов от так называемых «маленьких», будничных тем говорил в прениях по докладу Л. Ошанин. Это забвение «малых» тем произошло из-за невнимания к тому, чего хочет и ждет от писателей советский зритель.

Ю. Либединский посвятил свое выступление оживлению работы творческих секций.

О борьбе за высокое качество литературы, о творческой смелости писателей в постановке острых вопросов современности говорила М. Шагинян. Она критикует работу руководителей ССП, которые, ссылаясь на перегруженность, мало читали новые книги, пьесы, сценарии и т. д. А между тем чтение, внимательное, искреннее, заинтересованное изучение произведений — первый акт руководства.

О более глубоком изучении жизни и тесном общении с народом говорила М. Прилежаева.

С. Васильев напоминает об одном незаслуженно забытом жанре — жанре литературной пародии, имеющем богатые традиции в русской литературе. Это блестящее оружие критики и самокритики, говорит С. Васильев, помогло бы быстрее навести порядок в литературном хозяйстве.

— Решения пятой сессии Верховного Совета СССР обязывают советских людей умножить свои трудовые усилия, требовательно, взыскательно относиться к своей деятельности, — сказал в своем выступлении К. Симонов.— У писателей пока нет никаких оснований быть довольными своей работой. Сильно отстает наше кино. И оно до тех пор не двинется вперед, пока план кинематографии будет составляться на основе аннотаций, а не на основе полноценных сценариев.

Советская литература — литература великой жизненной правды. Стремление лакировать, приукрашивать жизнь — это не просто черта характера того или иного автора, а в конечном счете проявление неверия в силы народа, в его разум, в его способность преодолеть любые трудности. Поэтому оно решительно должно быть осуждено. Нас многому учит пятая сессия Верховного Совета, на которой со всей прямотой обсуждались недостатки на отдельных участках нашего народного хозяйства.

Все выступавшие выражали уверенность в том, что наша советская литература сумеет преодолеть свои недостатки, поднимется на уровень новых, возросших требований народа.

НАЧАЛИСЬ ЗАНЯТИЯ В НОВЫХ ЗДАНИЯХ МГУ

В полдень первого сентября начались учебные занятия на физическом, химическом, механико-математическом, геологическом и географическом факультетах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, разместившихся в прекрасных новых зданиях на Ленинских горах. Здесь будут учиться вместе с заочниками 17 тысяч студентов 57 национальностей.

Перед началом лекций состоялся торжественный митинг, посвященный открытию Дворца науки. На огромной площади перед величественным зданием главного корпуса собрались строители университета, студенты, трудящиеся столицы, зарубежные делегации, гостящие в Москве. Митинг открыл секретарь МК КПСС Н. Михайлов. С речами выступили министр культуры СССР П. Пономаренко, председатель исполкома Моссовета М. Яснов, президент Академии наук СССР академик А. Несмеянов, начальник строительства А. Воронков, ректор МГУ академик И. Петровский.

По окончании митинга тов. Пономаренко от имени и по поручению Совета Министров Союза ССР и ЦК Коммунистической партии объявил новые здания Московского государственного университета открытыми.

Маргарита АЛИГЕР

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Не просто корпуса́ и зданья, —
Отныне на земле живет
Еще одно твое деянье,
Отчизна, партия, народ.

Построенный в подарок людям,
Счастливым, новым, молодым,
Он поднялся́ из наших буден,
И наши судьбы слиты с ним.
Когда, волнуя и тревожа,
Он вырастает на пути,
Мечтает старый стать моложе
И маленький — быстрей расти.

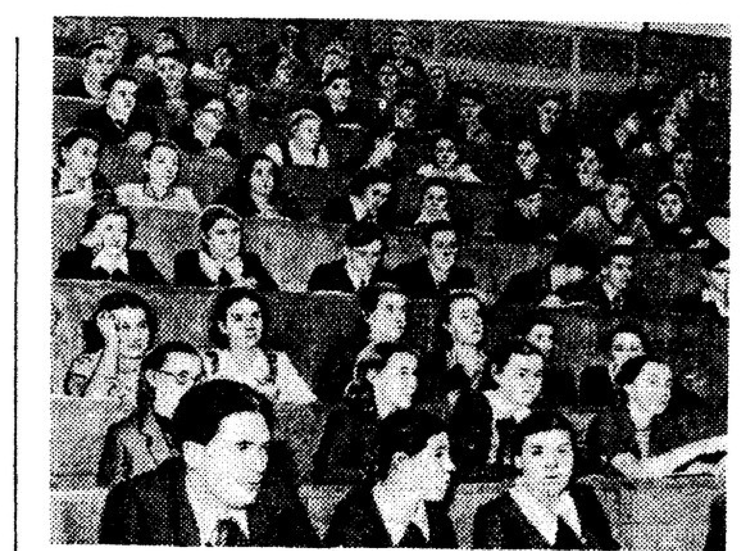
И так уж повелось в народе:
Дневные завершив труды,
Москва влюбленная приходит
К его стена́м, в его сады.

Сердца людские шибче бьются,
И люди веселей идут.
И встречному не улыбнуться,
Пожалуй, невозможно тут.
Сюда, на Ленинские горы,
Меж заседаньями в Кремле
Идут ткачихи и шахтеры,
Ученые и комбайнёры,
Солдаты мира на земле.
И с нами в радости единой,
Как к будущему своему,
Друзья из Праги и Пекина,
Попав в Москву, идут к нему.

Идут ребята после школы
На свой грядущий день
взглянуть.
Уже с колхозных пасек пчелы
В его цветник открыли путь.

Он весь в движенье, гаме, гуле,
Он в оживленье молодом.
Он весь и впрямь похож на улей,
Чудесным созданный трудом.
Фасад, как солнечные соты,
И пчелы долетят сюда —
На эти светлые высоты
Науки, знания, труда.
Пора! Спасибо тем, кто строил.
Пора! Дворец вступает в строй.
Уже гудит пчелиным роем
Его хозяин молодой.

Друзья! На новые вершины
Отчизна посылает вас.
Со всей страной, семьей единой
Вперед и выше, в добрый час!

Студенты 1-го курса на лекции в большой географической аудитории
Фото А. Батанова

ВЫСОКИЙ ДОЛГ—ЗАБОТИТЬСЯ О ЧЕЛОВЕКЕ!

Все лучше живется советским людям, день ото дня растут их бытовые и культурные запросы. И где бы ни находился наш человек,— в столице или далеком поселке,— он хочет жить так, чтобы были удовлетворены его возросшие потребности.

Пусть же слова А. М. Горького: «Все для человека!» станут девизом всех работников, призванных удовлетворять запросы и требования населения.

Хозяйка сельской гостиницы

В здании Буденновского райисполкома висит Доска почета знатных людей района.

В центре — портрет пожилой женщины. Под портретом подпись «Елена Николаевна Шевченко. Заведующая Домом крестьянина».

Елене Николаевне пошел уже седьмой десяток, но она полна сил и любви к своему делу.

И поскольку о Домах крестьянина в нашей печати почти ничего не пишут (и совершенно зря!), я хочу рассказать, чем же заслужила скромная труженица Елена Николаевна такой почет.

В район часто приезжают представители из Москвы, Воронежа, с Украины. А приехав в районный центр, они прежде всего направляются в гостеприимный дом — сельскую гостиницу.

В буденновском Доме крестьянина — несколько небольших комнат для приезжающих. Есть красный уголок, радио, шахматы, шашки, здесь всегда можно прочесть свежие номера газет, журналы. Районная библиотека присылает библиотеку-передвижку. В комнатах — цветы.

Откроем книгу жалоб и предложений.

Прораб Федоров в феврале этого года написал в ней: «Со станции Бирюч я добирался до села Буденное пешком. Дорога была нелегкая: злой ветер, мороз. Но, придя в Дом крестьянина, я сразу согрелся, почувствовав заботу Елены Николаевны. Казалось, что меня здесь ждали».

«Далеко от железнодорожной станции расположен районный центр Буденное, и командированным сюда приходится в непогоду перенести в пути много неудобств. Пока доедешь — устанешь. Невольно думаешь: скоро ли найдешь уголок, где можно отдохнуть. Здесь находишь все — уют, отдых и теплое отношение». (Отзыв сотрудницы ЦСУ).

«То, что я увидел здесь,—просто, хорошо, скромно и добротно. Работникам этой деревенской гостиницы желаю долгих лет жизни! Спасибо за заботу». (Отзыв московского журналиста).

Доцент Воронежского сельскохозяйственного института тов. Заец написал коротко: «В этом доме чисто, уютно».

«Нас было тринадцать. Мы приезжали с Украины, из Купянского района. Нас встретила Елена Николаевна:

— Сейчас, сейчас, сыночки! Небось, устали с дороги-то.

Все ее движения, ласковые глаза — все говорило о материнской, русской заботе о человеке. Спасибо!» (Заместитель председателя Купянского райисполкома).

Есть и критические замечания в адрес соседних — Писаревского и Острогожского — Домов крестьянина.

Вот какое пожелание высказал лектор Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний: «Остается пожелать, чтобы опыт этого Дома крестьянина был популяризован не только в районе, но и в области».

Справедливое замечание! Не пора ли серьезно подумать над тем:

чтобы в каждом районе была культурная сельская гостиница;

чтобы каждая из них была благоустроенной.

В. ДОКУКИН

ВОРОНЕЖ

НА СНИМКЕ: в красном уголке сельской гостиницы. Вторая справа — Е. Н. Шевченко.
Фото П. Никитенко

Передвижная библиотека

В общежитии строителей в Сталинском районе живут маляры, штукатуры, плотники, каменщики. Передвижная библиотека знакомит их с книгами по различным отраслям знания. После конференции на тему «Новаторы строительного дела», на которой выступали передовые строители столицы, в общежитии только за два месяца выдано было 187 книг по технике и вопросам производства.

Передвижные библиотеки создаются для того, чтобы расширить деятельность стационарных библиотек по распространению книги. В Москве насчитывается около трех тысяч передвижек.

Летняя читальня при домоуправлении № 72 Дзержинского района Москвы, которой пользуется население 15 домов,— это своего рода филиал передвижной библиотеки, работающей круглый год.

В читальне устраивают лекции, доклады, громкие чтения, читательские конференции, на которых обсуждаются художественные и научно-популярные произведения. Так, книгу Н. Верзилина «Путешествие с домашними растениями» читали в кругу домашних хозяек вслух и провели в связи с этими чтениями несколько бесед. При этом демонстрировались комнатные растения.

Помещение читальни, расположенной во дворе одного из домов, когда здесь устроили конференцию, превратилось в цветущий сад. Читатели поделились тем, что они узнали из книги Н. Верзилина и других произведений о жизни растений. Научные сотрудники Ботанического сада рассказали, как ухаживать за цветами в комнатных условиях.

После конференции при домоуправлении был создан кружок любителей домашних растений. Теперь передвижка снабжает этот кружок книгами.

Плодотворна и многообразна работа передвижек. Тем более обидно невнимание, которое проявляют к этим очагам культуры некоторые райисполкомы и профсоюзные организации.

Лучшее помещение для работы передвижной библиотеки при домоуправлении— это «красный уголок». Но количество «красных уголков» в жилых домах в последние годы сократилось, и передвижка часто ютятся в тесных конторах домоуправлений.

На предприятиях к передвижкам относятся лучше, но и там редки случаи, когда бы профсоюзная организация созвала собрание читателей с отчетом библиотекаря.

Есть и другое важное упущение (в нем повинно Управление культурно-просветительных предприятий Мосгорисполкома и районные отделы культпросветработы): передвижные библиотеки открываются обычно там, где их легче открыть (где много стационарных библиотек), а не там, где они особенно нужны (в отдаленных поселках, в общежитиях строителей и т. д.).

Передвижки делают очень полезное дело. Надо помогать работе уже существующих передвижных библиотек и создавать новые.

В. БОГДАНОВА, К. ГОЛЬБЕРТ, В. ЖДАНОВА,
библиотечные работники

ВСЕ ЭТО НЕОБХОДИМО

И. АРАЛИЧЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

1. В поезде, следовавшем из Москвы в Сталинск, услышал я такой разговор:

— Конечно, если бы шить платья у Гриши, можно было бы ничего в Москве и не заказывать...

В Сталинске, навестив здешнего старожила, инженера-металлурга И. Чиркова, я спросил:

— Кто такой Гриша?

— О, это популярная в нашем городе личность... Этот закройщик промартели имени 1 Мая действительно выдающийся мастер.

Распахнув шифоньер и указав на висевший в нем новый серый костюм, Иван Платонович продолжал:

—Я тоже не мог попасть к Грише. И вот результат: костюм сшит, но носить его невозможно — безнадежно испорчен!

— Неужели в городе с населением в несколько сот тысяч жителей вы не могли найти портного получше?

— Увы!.. Есть ателье и портновские мастерские, но хорошо шить у нас совсем не умеют.

— А Гриша?

— Когда я в приемный день подъехал к дому, в котором помещается эта артель, я изумился: около нее сгрудился целый табун «Москвичей» и «Побед». Когда дошел мой черед предстать пред очами Гриши, я увидел усталого, избалованного вниманием человека. Ироническим взглядом окинул он мою фигуру, лениво развернул мой отрез серого трико, так же лениво свернул его. «Ничего не могу сделать... — произнес он безразлично. — Я загружен на полтора года...»

...Раньше, когда одеваться красиво было привилегией жены одного лишь заводчика-капиталиста или директора завода, это не было проблемой. Но теперь положение иное. На Кузнецком металлургическом комбинате имени Сталина работает много тысяч инженеров, техников, рабочих, жены которых лишены возможности хорошо одеваться отнюдь не по причинам материального порядка.

Я говорил с Инной Изосимовной Павловской, женой начальника листопрокатного цеха.

— Наша семья, — сказала она, — хочет хорошо одеваться в Сталинске! Мы живем тут уже двадцать лет, все мы своими руками создавали завод, и мы не собираемся никуда уезжать. Но как можно! — продолжает Инна Изосимовна. — В ателье № 1 принимают заказы дважды в месяц. Попасть в число заказчиков просто невозможно. И это при условии, когда заведомо известно, что там нет ни одного сколько-нибудь опытного мастера!.. Кроме Гриши, еще разве только Татьяна Ивановна из артели «Возрождение» понимает, что такое искусство покроя.

Павловская берется познакомить меня с Татьяной Ивановной Биряхиной, заведующей ателье артели «Возрождение». Это ателье разместилось в первом этаже одного из новых домов в центре города. Толстые ковры устилают его полы, мягкая мебель, картины на стенах, портьеры — все это, как в лучших столичных ателье.

—Все у нас есть, а вот мастеров и закройщиков сколько-нибудь опытных — только двое. Да и этим надо бы пополнять знания. Нужно почаще выезжать в другие города, посещать Дома моделей, швейные лаборатории... — жалуется Татьяна Ивановна. — А у нас об этом и думать не хотят! По 15—16 тысяч рублей платить за ковер для ателье у нас деньги находятся, а вот на журналы, на командировки в Московский дом моделей денег нет. Ателье мод первой категории — без журналов! Стыдно сказать: я, закройщица лучшего в городе ателье, узнаю о том, что в этом сезоне меняются линии в женских платьях, от заказчицы.

Но, может быть, у Ивана Платоновича Чиркова или Инны Изосимовны Павловской, как и у тысяч других жителей Сталинска, желающих носить хорошо сшитую одежду, есть иной выход? Может быть, проще приобрести костюм или платье в магазине?

В городском универмаге продается готовое платье, сшитое на швейных фабриках Кузбасса. Можно только приветствовать порядок, при котором уже незачем возить через половину Европы и Азии то, что можно изготовить на месте. Надо лишь поставить дело так, чтобы костюм, сшитый в Кемерове или Сталинске, так же хорошо сидел на вас, как, скажем, столичный. И это как будто предусмотрено: ведь на кузбасских швейных фабриках применяются примерно те же стандарты и фасоны, что и на других. Почему же одежда, сшитая в Кузбассе, хуже той, которая изготовлена в столице?

В молодом кузбасском городе Осинники существует швейная фабрика. На это небольшое предприятие возложено снабжение Кузбасса женскими платьями. Как же выполняют в Осинниках эту ответственную роль? Об этом можно судить уже по тому, что фабрика второй год шлет Сталинскому универмагу платья только одного фасона: «лиф с воланом в виде кокетки, горловина без воротничка, юбка отрезная круглая, шестиклинка».

Дорогие ли платья, дешевые ли — все равно: тот же волан в виде кокетки и та же неизменная «горловина без воротничка» и обязательная «юбка-шестиклинка»...

— Мало того, что все платья одного фасона, бывает, что все они и одного цвета! — жалуются продавцы.— Попробуйте тут культурно торговать.

В Сталинске имеется торговая база Главторгодежды. В конце концов она-то и призвана воздействовать на швейные фабрики Кузбасса в деле улучшения качества одежды. Но этого еще не случилось.

— Если бы, — поясняет управляющий сталинской торговой базой Главторгодежды В. Редкошеев, — у нас в Кузбассе были швейные фабрики союзного значения, которые могли бы шить несколько видов изделий, тогда дело другое. А нам готовое платье поставляют 11 небольших фабрик. На фабрике № 9, изготовляющей белье, имеется, например, всего два агрегата. Если там пустили в раскрой рубаху 54-го размера, то шьют этот размер целый месяц. И к нам, а от нас в магазины в этот месяц поступают рубахи только этого размера. Вот и удовлетворяй спрос...

Наша Родина может гордиться могучей индустрией Кузбасса, чего нельзя сказать еще о его легкой промышленности. Конечно, когда в Кузбассе вступят в строй мощные швейные предприятия, товарищу Редкошееву легче будет работать. Но и сейчас уже должны быть повышены требования к качеству и ассортименту изделий. База Главторгодежды, вопреки своим прямым и первоочередным обязанностям, все еще мирволит фабрикам, вместо того, чтобы изучать спрос населения и влиять на работу легкой промышленности.

2. Сталинск строится очень быстро. Большинство кадровых рабочих, инженеров, техников и мастеров Кузнецкого комбината живут в хороших квартирах, а по мере увеличения своей семьи нередко имеют возможность перейти из однокомнатной или двухкомнатной квартиры в трех- и четырехкомнатную.

Кузнецкие металлурги живут в достатке, у многих из них есть сбережения. Есть у них и вполне естественное, но, увы, пока еще мало удовлетворенное стремление получше обставить свое жилище.

Мытарства начинаются с первого же дня вселения в новую квартиру. Штукатурка на стенах обычно «дикого» цвета, однотонная, мрачноватая, полы, подоконники и двери окрашены небрежно.

Итак, прежде всего надо привести квартиру в состояние, при котором она не оскорбляла бы эстетического чувства поселившегося в ней человека.

Но в городе не существует для этих целей ни ремонтно-строительных контор, ни артелей, ни других подобных учреждений. И трудно сказать, как выходили бы люди из положения, если бы не было в Сталинске маляра Филиппа — мастера своего дела, который, подобно закройщику Грише, весьма популярен. Филипп Гроцеску работает бригадиром маляров в тресте «Сталинскпромстрой». Скажем прямо — он один из тех, кто портит своей унылой мазней стены в новых домах. Правда, делает он это, только подчиняясь установленным в «Сталинскпромстрое» стандартам. Потом по вечерам, после основной работы он отводит душу, перекрашивая за солидное вознаграждение, по заказу жильцов, те же самые стены и полы так, чтобы они радовали глаз.

Мне довелось видеть работу Филиппа во многих квартирах металлургов: он действительно мастер. Тут и колер, и орнамент, и полы, окрашенные «под паркет». Но Филипп — один на весь город. Попробуйте его добыть!..

Но, допустим, вы довольны отделкой квартиры и отправились в мебельный магазин. Вам тотчас же придется огорчиться: кроме грубых, окрашенных масляной краской в канареечные цвета, тумбочек да такого же стиля топорных табуретов и стульев или сколоченных гвоздями диванов, нет ничего...

Добротную мебель изредка продает универмаг. Из Западной Украины и Прибалтики иногда «забрасывают» сюда хорошие мебельные гарнитуры. Страшно даже представить себе, какой длинный путь проходит такой гарнитур и сколько места в вагонах он занял, прежде чем добрался сюда, в сердце Сибири!

Лет 15 назад мне довелось побывать на Камчатке. Пароходы из Владивостока приходили в ту пору редко — примерно раз в месяц, и судно еще плыло по Тихому океану, а жители Петропавловска по радио уже следили за его продвижением и не только знали координаты парохода на каждый день, но имели также достаточное представление о том, в каком из трюмов находятся сахар и кондитерские изделия, в каком — ткани или спирт...

Когда в Кузбассе становится известно, что партия хорошей мебели двинулась к ним из Риги или Львова, за ее продвижением на восток следят сотни людей.

Как приобрести кровать? Цех ширпотреба Кузнецкого металлургического комбината выпускает ежегодно десятки тысяч отличных никелированных кроватей. Их можно купить всюду — в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Барнауле, но только не в Сталинске. Инженеры-металлурги супруги Зуевы несколько лет безуспешно пытаются обзавестить никелированными кроватями. Муж — обер-мастер блуминга и жена — инженер технического отдела всю свою трудовую жизнь посвятили изготовлению металла, из которого выделываются на их же заводе никелированные кровати.

Когда я обратился по поводу этих несуразностей к директору городского универмага Н. Пичугину, он мне сказал, что универмагу «занаряжают» всего 200 кроватей в месяц...

Механическое распределение товаров все еще в целом ряде случаев остается серьезным недостатком торговых организаций.

Когда кузнецкий металлург возвращается в Сталинск, он везет из Москвы, Ленинграда, Харькова, Куйбышева и других городов для себя и по поручению друзей детские игрушки, спирали для электроплиток, резиновую тесьму, радиоприемники, ковровые дорожки, платки и многое другое, везет все это не десятки, а тысячи километров...

Но вернемся к мебели. Мне пришлось ознакомиться с двумя «крупнейшими» мебельными производствами города — промартелями имени Кирова и «Сталинец».

На окраине, во дворе, в сарае с несколькими станками сосредоточено мебельное производство артели имени Кирова. Членов артели — 60 человек; умеющих делать хорошую мебель — ни одного.

— Если правду говорить, так мы хорошую мебель и в глаза не видели, не знаем, какая она и есть... — признается председатель артели П. Головчанский.— И мастера у нас все доморощенные — нигде не учились.

Правда, еще в 1949 году городские организации прикрепили к артели «шефа»— деревообделочный завод треста «Сталинскпромстрой». Но работники завода вечно обеспокоены своими собственными заботами, до артели им нет дела.

— Просили их: помогите технологию организовать, — невесело рассказывает Головчанский,— но получили ответ: «Нет, нам некогда»... Ну, тогда дайте нам хоть братьев Зотовых — краснодеревцев, у нас мебельное производство, и ни одного краснодеревца. Не дают нам и братьев Зотовых. После работы, сверхурочно, Зотовы, может, и пошли бы нас своему делу учить, так новая беда: живем далеко, за рекой, через Томь на пароме надо переправляться. Прибылей у нас много — продукция нарасхват идет, а платить им за учебу денег не оказывается. Сколько ни ставили вопрос в облразнопромсоюзе,— стена! Не понимают этого люди...

Председатель артели «Сталинец»—молодой, полный жизни, неунывающий парень. Я застал его мастерящим новый долбежный станок.

— Четыре дня назад из Москвы вернулся! — сообщает он радостно. — Так руки и чешутся — все изменить. На новый фасон дивана переходим.

Промартель «Сталинец»—самое большое мебельное предприятие города. Но и оно производит всего лишь 600 мягких диванов, 800 комодов, 600 шифоньеров и 500 буфетов в год.

— Капля в море! Сталинск — это ненасытный город в отношении мебели! — говорит председатель артели Сафонов.— Строят прекрасные дома, каждый старается обставить квартиру как следует... Наш леспромсоюз мечтал на базе нашей артели мебельную фабрику ставить. План прислали, мы подобрали на берегу Томи площадку, огородили. Но денег на строительство не выделили. И — вся наша работа пропала...

— А как насчет качества?

— Да как вам сказать... На мебельных выставках в Сталинске и Кемерове наша артель первое место заняла. А вот, по совести говоря, у нас диван грубый, тяжелый, на гвоздях, а нужен легкий, на шипах—на таком и посидеть приятно!.. Вот мастерю станочек—шипы механическим путем делать. А вообще-то модели у нас старые. Ведь мы же, как медведи в берлоге, жили, ничего не знали. А в состоянии многое делать! Только дайте нам руководство. А то получили за все время существования артели только одну тоненькую книжечку— проект нового буфета: фотография, чертежик... Уплатить за это пришлось тысячу рублей. Оказывается, проектно-конструкторское бюро такие книжечки не типографским способом, а вручную изготовляет... Разве так можно внедрять новую мебель? Литература нужна — чтобы и журнальчик, и брошюрки, и альбомы, и толстая книга. Мебельщик хочет многое знать, чтобы добротно работать!

* * *

Мы ознакомились только с двумя сторонами быта населения одного из молодых городов нашей страны. Но и этого, пожалуй, достаточно, чтобы вывести заключение: в Сталинске, городе металлургов и шахтеров, торговые работники мало думают о том, чтобы лучше обеспечить жителей товарами народного потребления.

Швейными, мебельными и другими артелями в городе по-настоящему не интересуются.

Исполком Сталинского городского Совета депутатов трудящихся, так же как и Управление рабочего снабжения Кузнецкого металлургического комбината, продолжают отмахиваться от этих якобы «малых» дел. И совершают серьезную ошибку.

СТАЛИНСК

ФЕЛЬЕТОН
Десять дней в пути

Мой добрый знакомый, известный на Дальнем Востоке шкипер рыболовецкого сейнера Петр Фролович Ерикеев, получил путевку в санаторий в Крым.

И вот, пройдя соответствующие медицинские комиссии и пробыв в самолете всего лишь около двух суток, Петр Фролович стоит посреди уютной комнаты в одном из ялтинских санаториев. Он только что принял теплую ванну и благодушествует.

Осторожно постучав в дверь, входит девушка в белом халате.

— Товарищ Ерикеев? — справляется она.— Давайте знакомиться — я санаторный библиотекарь. Библиотека к вашим услугам. Правда, она не слишком богата, но если захотите получить такие книги, которых у нас нет, можем достать в городской библиотеке. Вы не стесняйтесь.

— Спасибо, спасибо,— растроган шкипер.— Но стоит ли утруждать вас? Я ведь и пробуду-то здесь всего двадцать дней.

— Ну, знаете, это — срок немалый!..

Через час в столовой к нему подходит другая девушка, тоже в белом халате.

— Вы, Петр Фролович, какие блюда больше всего любите? Не стесняйтесь, заказывайте заранее.

На следующее утро, обходя палаты, дежурный врач справляется у Ерикеева:

— Как спали?

— Да ничего, спасибо. Вот только солнце рано в глаза бить начало,— кровать моя возле окна.

— Сегодня же соорудим тент.

— Да нет, что вы,— протестует рыбак. — Стоит ли трудиться ради каких-то двух десятков дней?

— Стоит, Петр Фролович, безусловно стоит! Каждый отдыхающий у нас заслуживает внимания.

Незаметно промелькнули двадцать дней. Обратно Петр Фролович решил ехать поездом — дни отпуска остались, и хочется, знаете, проехать по стране, посмотреть хоть из окна вагона города и веси. Посоветовали ему от Москвы взять билет в спальный вагон прямого сообщения — правда, стоит дороже, но зато удобства...

Да, так вот об удобствах в этом вагоне...

Как только курьерский поезд № 4 Москва — Владивосток тронулся от перрона Ярославского вокзала в Москве, купе наполнилось невыносимым скрипом и скрежетом. Казалось, что вагон вот-вот расползется по швам...

Ерикеев уснул уже под утро, и ему снилось, что он где-то у Северного полюса, и что это, громоздясь и наползая друг на друга, устрашающе скрежещут льдины.

— Почему вагон так скрипит? — сумрачно спросил он утром, остановив в коридоре проходившего начальника поезда.

— А как же ему не скрипеть? — изумился тот.— Ведь это же не вагон, а железнодорожный анахронизм, он построен еще в начале века.

— В начале века? Да не может быть! — усомнился рыбак.

— А вы посмотрите в умывальнике на табличку, если не верите.

На табличке, указывавшей, в какую сторону нужно повернуть кран, чтобы из холодной и горячей воды получилась теплая, была выгравирована буква «ять».

— Н-да,— покачал головой Петр Фролович и покосился на медный фонарь для сальной свечи, висевший у потолка.— Одного не пойму: если уж нечем заменить эти вагоны-ветераны, почему не поставить их на более короткие магистрали, чтобы пассажир жил в этом скрипе и скрежете, ну, хоть одну ночь, а не десять?

— Десять суток — не год. И потерпеть можно! — возразил начальник поезда.

Перед обедом Петр Фролович решил побриться. Он разложил на полотенце бритвенный прибор и хотел набрать стакан теплой воды. Но сколько он ни поворачивал кран в сторону «ять», ничего не получалось.

— А мы горячей только в Москве заправляемся, — пояснил проводник.

— Значит, побриться негде. Ну, а помыться тоже негде? А почему бы в поезде не оборудовать душ?

— Это на один-то рейс?

Следующее разочарование ожидало шкипера в вагон-ресторане.

— Мясные блюда? Есть, пожалуйста,— любезно объявил официант. И тут же доверительно добавил: — Только мясо... того, с душком немного. Еще в Москве брали.

— На всю дорогу? Летом?!

— А как же?

Петр Фролович кое-как поел, а уходя, попытался заказать обед на завтра. Но официант сказал:

— Накануне заказов не принимаем.

— А почему? И прямо к пассажирам, в купе, можно было бы притти, поинтересоваться, что они завтра есть будут.

— Можно-то, конечно, можно, да хлопотно, знаете ли...

После обеда никакого «мертвого часа» у шкипера не получилось: в коридоре, за тонкой перегородкой, из динамика летела грохочущая песня — Канделаки убеждал, сколь полезно всю жизнь пить вино. Оказывается, в отличие от вагонов новой конструкции, в старых спальных вагонах прямого сообщения нет настольных репродукторов, очень удобных,—хочешь не хочешь, а привыкай к общему коридорному динамику.

Петр Фролович окончательно возроптал, но флегматичный сосед успокоил его:

— В конце концов, ко всему можно привыкнуть.

— А почему, собственно, я должен к этому привыкать? — вспылил шкипер.— Почему в санатории, в доме отдыха, да что там — на любом мало-мальски приличном вокзале человека окружают заботой, а как только выедешь за семафор, забота эта прекращается?..

Ночью Петру Фроловичу стало плохо.

— На ближайшей станции пригласим врача, — сказал проводник. — Потерпите.

— А в поезде... разве нет медицинской сестры или фельдшера?

— Раньше ездили, а теперь — нет.

За стеной плакал ребенок.

— А почему с детьми — не в детском вагоне?

— В этих поездах специальных детских вагонов нет. Нерентабельно.

И снова скрежетало и скрипело что-то всю ночь, и снова томила духота (так называемой «принудительной вентиляции», регулируемой проводником, в этом вагоне нет).

— Душно,— пожаловался шкипер.—Ох, как душно!

— Вам бы еще, небось, настольный вентилятор?— проворчал проводник.

«А почему бы и нет?» — подумал Петр Фролович, но спорить не стал.

На каждой станции пассажиры бросались на перрон в поисках книжного и газетного киоска. «Чего бы проще, приносить свежие газеты прямо в вагоны?»— размышлял Ерикеев, однако высказать это предложение вслух уже не решался; успокаивало сознание, что ехать осталось только восемь суток.

Когда вдалеке показались огни Владивостока, Петр Фролович обрадовался:

— Ну, вот и дома! Можно сказать, четверть земного шара объехали, а хоть бы один день прошел нормально: все они «мелочами» омрачены.

«А всего этого могло и не быть, — размышлял он, — если бы на железной дороге, в особенности на таких магистралях, как Москва—Владивосток, больше заботились о нуждах пассажиров».

* * *

Мы сидим со старым шкипером в номере владивостокской гостиницы. Я ему сочувствую: сам ездил в таких же условиях.

— Как ты думаешь, — спрашивает он, — какая точка зрения на пассажиров у работников Министерства путей сообщения?

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

ВЛАДИВОСТОК

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ

В самом деле, какова же точка зрения Министерства путей сообщения? Мы попросили заместителя начальника Главного пассажирского управления МПС тов. Д. Киселева ответить на вопросы, поставленные в фельетоне. Этот ответственный работник министерства считает нормальным, что в курьерском поезде нет ни медицинского обслуживания, ни теплой воды, ни вентиляции, ни детского вагона. По его мнению, достаточно того, что есть. Ведь это же поезд!.. И тов. Киселев не усматривает никакой разницы между поездом Москва—Тула и поездом Москва—Владивосток...

Думается нам, что многие, очень многие неудобства пассажиров в поездах дальнего следования можно было давно уже ликвидировать, если бы некоторые работники транспорта больше думали и беспокоились об удобствах советских людей.

ЧУЖАЯ ВИНА

Я парикмахер артели инвалидов «Смычка» большого города Львова. И я и весь наш коллектив очень переживаем, когда клиент недоволен нашей работой. А это бывает. Почему? Конечно, и мы иной раз виноваты, но очень часто повинны те, кто снабжает нас негодными парикмахерскими инструментами. И мастер, намылив щеки клиента и взяв в руки бритву, которой впору картошку чистить, старается не задавать обычный вопрос: «Вас не беспокоит?». Он знает: беспокоит.

На несколько тысяч рублей купило недавно бритв правление артели «Смычка» и направило их в парикмахерские. Но мастера не пользуются ими: никуда не годятся! А ведь получали мы раньше замечательные бритвы с простой ореховой рукояткой с фабричной маркой «Павлово» и «Завод Вача». Мастера ценят их больше, чем бритвы самых лучших иностранных фирм, и берегут их, как драгоценность. Почему же мы теперь не получаем таких бритв?

Кроме партии негодных бритв, получила наша артель и партию негодных машинок для стрижки, выпущенных артелью «Московский металлист» (Москва, ул. Просторная, 17). У этих машинок зубья толстые, короткие и тупые, а пластинки плохо подогнаны. Как не стыдно работникам этой артели тратить деньги, время, материалы на выпуск заведомо негодных изделий! Эх, постригла бы я этой машинкой кого-нибудь из руководителей артели «Московский металлист»!

Право, нелегко нам, парикмахерам, стоять, как провинившимся ребятам, перед разгневанным клиентом и принимать на себя чужую вину.

А. СТУКОВА

ЛЬВОВ

ХОРОШАЯ РАБОТА

Почти три года назад, приехав в Москву, я купил батарейный радиоприемник «Рига Б-912». Признаться, особых надежд я на этот приемник не возлагал — немало слышал жалоб от односельчан на качество батарейных приемников, но прельстила недорогая цена. Вместе с батареями «БГС-70» и «БНС-400» я повез свою покупку с тревогой и надеждой к себе, в село Чернево, Сумской области.

Привез, установил, включил, слушаю... Для начала — неплохо! Принимает Москву, Киев, Минск... В регулировке прост, звук чистый и мощный. Жду, что будет дальше. Работает. Проходят месяцы, год, два, а он все такой же, как и в первые дни, хотя я и даю ему большую нагрузку. Правда, в конце второго года пришлось заменить батареи, но он так экономично расходует энергию, что я уверен в безотказной работе на многие месяцы вперед. А мои односельчане, имеющие многоламповые приемники (у меня двухламповый), пережили много неприятностей в поисках радиоламп и батарей, которые часто приходится заменять.

И вот мне хочется сказать большое спасибо коллективу завода, позаботившемуся о колхозниках и интеллигенции неэлектрифицированных сельских мест, заводу, давшему нам такой дешевый, надежный, экономичный, хорошего качества приемник.

В. ЯРМОЛЬСКИЙ

СЕЛО ЧЕРНЕВО,
Сумской области

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САТИРА ТОЛСТОГО

В девятом номере **«Нового мира»** напечатана статья **Марка Щеглова «Особенности сатиры Льва Толстого».** Освещая конкретную тему, автор вместе с тем на примере Толстого ставит общий важный вопрос: как же осмысливать сатирическое в литературе? Основываться ли в определении сатирического только на формальных жанрово-видовых особенностях, так обстоятельно описанных в старых теориях литературы? Тогда Толстой с его «Воскресением», с «Анной Карениной», с замечательными обличительными страницами и портретами из «Люцерна», «Войны и мира» остается за пределами сатиры. Или же, наоборот, отказаться от школярского, узкого, догматического подхода к сатире и от живучего еще метафизического представления о якобы неподвижных и неизменных жанрово-видовых границах и правилах во все времена, во все эпохи? Практически же это означает для литературоведа и критика — перестать искать формальные аналогии, насильственно сводящие все многообразие и богатство сатирического искусства русской классической литературы к двум-трем образцам; попытаться конкретно-исторически осмыслить и объяснить существо сатирического искусства и Гоголя, и Щедрина, и Чехова, и Толстого во всем их индивидуальном художественном своеобразии. Только в этом случае критический анализ будет иметь серьезное значение, только этим путем мы сможем осуществить столь необходимое нам творческое взаимодействие между богатейшим художественным опытом прошлого и живым, неустанно развивающимся опытом настоящего. Такова в своей основе методологическая направленность статьи М. Щеглова, и она представляется нам правомерной.

В статье содержится немало свежих наблюдений над тем, как мастерски лепит Толстой сатирический тип, как он, показывая постепенно одну за другой, казалось бы, мелкие и подчас ускользающие от внимания сатирические детали, вдруг одной неожиданной крупной чертой сразу же заставляет образ светиться изнутри всеми цветами и переливами сатирического спектра.

Художественное своеобразие сатиры Толстого последнего периода, как убедительно показывает М. Щеглов, неразрывно связано с идейной позицией писателя.

Таковы, на наш взгляд, положительные черты статьи М. Щеглова, развитые и выраженные им с большей или меньшей ясностью. Однако с автором статьи никак нельзя согласиться, когда он как-то незаметно для себя сводит существо сатиры лишь к «оценочной категории», к одному из видов «идейно-эмоционального отрицания изображаемого». Слов нет, «идейно-эмоциональное отрицание» играет в реалистической сатире важную роль, но оно правомерно и действенно лишь в том случае, если соответствует социальной сущности изображаемого, ею порождено и обусловлено. Без соблюдения этого единства нет и не может быть реалистической сатиры.

Еще более странно в статье автора, ратующего против всякого догматизма, встретить вдруг утверждение, будто бы сатирический образ, чтобы быть истинно сатирическим образом, не должен сохранять «форму элементарного правдоподобия», а обязательно должен подвергаться «тенденциозной деформации», «искажению». Ну, а если такой художник, как Чехов, напишет остро сатирический образ, например унтера Пришибеева, и в то же время вплоть до бытовых деталей сохранит «форму элементарного правдоподобия»?

Как указывалось выше, теоретически М. Щеглов вполне справедливо ратует против нередко встречающегося в критике забвения индивидуального своеобразия художника, против формального уподобления, например, своеобразного сатирического искусства Толстого не менее своеобразному и глубоко самобытному искусству Гоголя или Щедрина. Но практически в плену этого предрассудка нередко оказывается и сам Щеглов, когда, например, пытается уподобить бороду толстовского героя Ивана Ильича, растущую «на свободе», «вполне гоголевскому или щедринскому гиперболическому символу либеральных «свобод». Подобные натяжки, очевидно, в силу дурной инерции, встречаются, к сожалению, в этой интересной статье.

В. ДОРОФЕЕВ

О ГЕРОИЗМЕ НАРОДА

«Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года» — шесть рассказов, разобранных в статье **Б. Бурсова «Военные рассказы Л. Н. Толстого» («Звезда», № 9).** Они были изучены довольно тщательно и прежде. Говорится ли о них что-либо новое?

«Если,— пишет Б. Бурсов,— мы сопоставим по внутреннему содержанию военные рассказы Толстого и его автобиографические повести, то увидим общность между этими, на первый взгляд совершенно непохожими произведениями». И выраженное в словах этих стремление проникнуть в глубь «внутреннего содержания» художественного произведения — плодотворно.

Статья дает представление о месте, которое занимают военные рассказы во всем неисчерпаемом толстовском наследии. Видишь, как мысль о высоком назначении человека связывает их с «Детством», «Отрочеством» и «Юностью». Дана в статье и перспектива дальнейшего идейно-художественного роста великого писателя: по верному замечанию критика, важнейшие принципы построения образа, развитые в «Анне Карениной» и «Смерти Ивана Ильича», начали складываться еще в рассказах о героях Кавказа и Севастополя.

Краткое исследование представляет собою как бы главу из большой книги — «Толстой и Россия». Широкий круг проблем творчества Толстого охвачен статьей, но широта ее возникает отнюдь не в ущерб глубине. Внимание литературоведа сосредоточено на своеобразии разбираемых рассказов, на отличии их от предшествующих и последующих художественных произведений великого писателя.

Русский народ — ведущий образ ранних рассказов Толстого. Образ этот несет на себе печать времени, предшествующего революционной ситуации шестидесятых годов. Толстой предвидел: великие перемены ожидают Россию, нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в важных минутах ее жизни. Предчувствие это вдохновляло его на создание художественных портретов стойких защитников Севастополя и солдат-«кавказцев». Основная тема рассказов — народный героизм,— возникнув из впечатлений настоящего, связывалась с раздумьями писателя о будущем творца истории — народа. Связи эти внимательно прослежены в статье.

Прослеживается в ней и постепенное развитие основной темы и основного образа рассказов: сначала — пристальное внимание писателя к храбрости отдельных солдат, потом — постепенное перерастание темы храбрости в тему любви к отечеству, далее — сдержанный, мужественный гимн героизму русского народа.

По-новому освещены некоторые из особенностей построения художественного образа. Солдат-крепостной пришел в Севастополь «от сохи». Офицер-аристократ приносит на бастионы нравы и понятия петербургских гостиных. Действуют же они иной раз, казалось бы, одинаково; и тому и другому присуще сознание своего долга. Но у солдата сознание долга вытекает из его преданности отечеству, в то время как у части офицерства чувство долга проявляется лишь внешне и связано с дворянскими предрассудками. Так в «Севастопольских рассказах» назревает резкое противопоставление «мужика» и «барина».

Не всегда сохраняет литературовед ясность и точность. В работе его есть немаловажные упущения, слишком «приблизительные» формулировки. Например, решая важнейший из вопросов, встающих перед исследователем раннего творчества Толстого,— вопрос о характере его мировоззрения, Б. Бурсов пишет: «В отношении к народу Толстой (до перелома его мировоззрения) как бы стоял между Пушкиным и Гоголем, с одной стороны, и революционными демократами — с другой. Он был близок и тем и другим, но и отличим и от одних и от других». И вывод: «Отличие Толстого заключается в том, что он не на время, а навсегда хочет стать простым человеком». Все это не очень ясно.

Б. Бурсов прав, подчеркивая: день ото дня резче обнажает Толстой противоречия между Россией «мужика», солдата и Россией «официальной», помещичьей. Но, проводя эту мысль, он иной раз впадает в схематизм, в ненужную, идущую от упрощения прямолинейность. Слишком резко разделяет он героев Толстого на «положительных» — это всегда солдаты — и «отрицательных» — это всегда офицеры, неисправимые трусы и себялюбцы. «...Герои описаны здесь слишком однолинейно, слишком одноплановою»,— говорится о последнем из «Севастопольских рассказов». Но согласиться с этим трудно.

На деле же были в числе севастопольских героев и Нахимов, и Корнилов, и офицеры, черпавшие в солдатской массе мужество и патриотизм. Многогранной рисуется действительность и в «Севастопольских рассказах».

«Толстой подходит к правильному пониманию причин возникновения войны... Толстой подходит здесь к выяснению социально-исторических причин, порождающих войны»,— пишет Б. Бурсов. Вряд ли верно и это. Во всяком случае процитированные далее слова Л. Толстого, призванные доказывать положение литературоведа, опровергают его: причины возникновения войн писатель видит в тщеславии, властолюбии отдельных личностей, «маленьких Наполеонов».

Литературовед стремился показать, как правда жизни воплощалась в военных рассказах Л. Толстого. К сожалению, ему не во всем удалось выполнить эту задачу.

В. ТУРБИН

КРЫЛАТАЯ МЕДИЦИНА

Повесть молодого писателя, врача **Н. Фогеля «Крылатая медицина»** (Одесса. 1952 г. 267 стр.) читается с интересом. В ней много познавательного, поучительного. Автор рассказывает о скромных подвигах работников санитарной авиации — врачей, сестер, санитарок, летчиков.

В отдаленные селения, в «глубинки» вылетает самолет с красным крестом на крыльях. На борту — известный хирург, спешащий в районную больницу на неотложную операцию, или санитарка, доставляющая консервированную кровь, или лектор, которого ждут в далекой деревне. Преодолевая трудности нелетной погоды, пилоты проявляют недюжинную изобретательность и смелость в борьбе со стихией. Гуманная цель влечет их вперед, днем и ночью, зимой и летом, в любую погоду.

Автору удалось правдиво рассказать о становлении новой формы медицинской помощи населению. Не все дается легко начальнику молодой станции санитарной авиации Бугрову. Не без труда новое начинание пробивает себе дорогу. Мешает этому заведующий областным здравотделом, чинуша и формалист Дубовой, убедительно нарисованный автором. Писатель не боится сталкивать Бугрова и Дубового в острых жизненных конфликтах.

Тепло рисует автор рядовых медицинских работников — борт-сестру Кириллову, санитарку Машу, главного хирурга областной больницы Онищенко, молодого сельского врача Костырного и других, самоотверженно выполняющих свой долг.

Достоинство книги — в ее достоверности, искренности. Удач писателя, литературных удач в книге значительно меньше. В тех случаях, когда Н. Фогель отвлекается от дела, от технологии и пытается раскрыть внутренний мир героев, показать их семейные отношения, взаимное влечение,— перо изменяет ему. Так, например, взаимоотношения Бугрова со своей женой и сыном нарисованы бледно. Так же маловыразительно описана любовь борт-сестры Кирилловой и летчика Яркового. Закоренелый бюрократ Дубовой осознает свои ошибки мгновенно, без труда и внутренней борьбы. Не веришь этой «перестройке».

Врач часто «подавляет» писателя. Автор подчас загромождает повесть ненужными технологическими и ведомственными подробностями, превращая многие ее страницы в добросовестные записки руководителя станции санитарной авиации, но лишая их художественной ценности.

Ал. БЫЛИНОВ

ПОВЕСТЬ ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЕ

Книга К. Боголюбова «Связанные крылья» (Свердловск. 1952. 246 стр.) рассказывает об изобретателе Евдокиме Бобылеве, который усовершенствовал прокатный станок, что дало возможность прокатывать большие листы кровельного железа. Уральское кровельное железо в то время (начало XIX века) славилось по всему миру, и изобретение Евдокима Бобылева имело крупное значение. Благодаря бобылевской машине можно было вдвое увеличить производительность труда.

Судьба Евдокима Бобылева печальна. Он принимал участие в борьбе уральских рабочих с заводчиками, обвинялся во многих «шумствах». Когда он пытался расширить сферу применения изобретения, его обвинили в краже секрета, и в результате, после многих страданий, Евдоким Бобылев умер под плетями.

Основой для повести послужили материалы следственного дела, находящиеся в Свердловском государственном областном архиве. Автор хорошо знает материал, он показывает широту интересов Бобылева, его попытки ввести «огнедействующие машины» на помощь водяным колесам. Но автор, показывая горестную судьбу изобретателя, меньше уделил внимания его труду.

Описание изобретения занимает в книге буквально считанные строки. Не совсем понятно в повести, почему заводчики борются с «огнедействующими машинами» Бобылева, а между тем из работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» мы знаем: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве». В примечании к этому В. И. Ленин писал: «При освобождении крестьян уральские горнопромышленники особенно настаивали и настояли на сохранении закона, запрещающего открытие в заводских округах огнедействующих заведений».

В книге К. Боголюбова мы еще видим относительный расцвет уральской металлической промышленности, основанной на крепостном праве. Об Урале этого времени написано мало, причем написано так, что высота уральской металлургии, ее передовые черты заслоняются изображением, с одной стороны, произвола помещиков, с другой — патриархального раскольничьего быта. Мы все время говорим об умельцах, но умел не один, не два человека — была огромная традиция умения, была своя техническая культура, и без показа ее, притом показа подробного, развернутого, нельзя реалистически показать жизнь края.

В книге бегло упоминается механик Лев Фомич Сабакин. Автор показывает его глубоким стариком, человеком опустившимся, не интересующимся жизнью. Мне кажется, что это неверно. Мы знаем Сабакина энергичным, спорящим, борющимся.

Художественное мастерство автора неточно и мало изобразительно. Приведем один пример: Алексей Иванович Яковлев, крупный заводчик, получает за изобретение Бобылева золотую медаль. Это очень типичное явление для того времени. В Туле хранится модель станка интересной конструкции, датированная 1806 г., но на станке указана не фамилия его изобретателя. Вероятно, изобретателем был Сурнин, а проставлена фамилия одного полковника артиллерии. Таким образом положение, о котором говорит автор, совершенно реально, но способ повествования наивен.

Яковлев едет в гости хвастаться медалью: «Накинув на плечи шинель с пушистым меховым воротником, он спустился по каменной лестнице. У крыльца стояли легкие, изящные санки, запряженные парой». Вот и все. К сожалению, так же невыразителен и пейзаж.

Из текста мы узнаем о страданиях людей, об их намерениях, но не о их характерах. Творческий процесс — самое интересное в описании жизни изобретателя — почти совсем не дан.

Книга добросовестная, интересная по теме, написанная знающим человеком, еще недоработана. За жизнью Евдокима Бобылева можно показать жизнь Урала и его большую, многими десятилетиями созданную техническую культуру.

В. ШКЛОВСКИЙ

УВИДЕНО ПО-СВОЕМУ

Небольшая книжка **Василия Субботина («Стихи».** Крымиздат. 1953. 70 стр.) напомнит читателю события военных лет; есть в ней и образы, навеянные послевоенной стройкой (автор берет участки жизни, хорошо знакомые ему,— Крым и Урал).

Книга от начала до конца лирична, и вовсе не потому, что многие стихи написаны от первого лица: почти на всех страницах книги есть не скрываемое автором отношение к миру, и это является определяющим в работе лирического поэта.

Часто своеобразие художника проявляется там, где он может по-своему, как никто до него, написать о вещах, много раз воспетых, притом большими мастерами. Сколько стихов написано о море! Но вот восьмистишие Василия Субботина:

Я видел, как смотрит на море
Малыш, вырываясь из рук.
Каким изумленьем во взоре
Сменяется первый испуг.

На рейде качаются боны.
Закрыла волна небосвод.
Глядит удивленно ребенок
И ладушки-ладушки бьет.

Это увидено по-своему.

Василий Субботин пишет очень короткие стихи. Это — трудоемкое дело, требующее умения выбирать, обобщать, типизировать.

О блиндаже поэт пишет:

Вода секунды звонкие на стол
Роняет с круглых темных потолочин.

Это — точно, зримо; почти физически ощущаешь, что с потолка ежесекундно падают капли, что они, звеня, как бы отсчитывают время.

В маленьком стихотворении, где каждая строка на виду и в буквальном смысле слова на счету, все должно быть написано уверенно и точно. Каждая неточность, небрежность, ошибка предстает перед читателем крупным планом. «На сером фоне разрушений» — эта строка-зачин из восьмистрочного стихотворения — не образ, а небрежный подмалевок, который не должен был пойти дальше черновиков автора.

Верно схваченная реалистическая деталь нужна поэту, как земля, по которой он ходит. Василий Субботин любит деталь. Но порою его стихи перегружены случайно подмеченными частностями. Вот стихотворение «Осенью». Колхозная трехтонка везет арбузы, на зиму перекрыты дома, школьники сели за тетрадки, прокричали журавли и т. д. и т. п. Количество деталей можно увеличить, а можно и уменьшить. Деталей много, а картины нет. Поэт за деревьями не увидел леса.

Вспомним тютчевскую деталь осени: «...паутины тонкий волос блестит на праздной борозде». Одна такая деталь способна сделать картину и достоверной и предельно приближенной к глазам читателя. Равнодушное перечисление противопоказано поэзии.

В одном из своих произведений («Старатель») поэт высказывает пожелание:

Мы вместе, приятель,
С тобою в пути.
Я тоже старатель,
Мне б слово найти.

Это верно. Поэт должен думать не о том, что уже найдено, а о том, что еще предстоит найти.

Лев ОЗЕРОВ

„Доктрина" Мориса Надо

В. НИКОЛАЕВ

Французский литератор господин Морис Надо выдает себя за человека, мыслящего оригинально и независимо. «У меня нет ни доктрины, ни системы, я не принадлежу ни к какому приходу»,— торжественно заявляет он, представляясь читателям на страницах своего сборника статей «Современная литература», вышедшего в 1952 году*. Читая это заявление господина Надо, трудно сдержать усмешку. «...Не принадлежу ни к какому приходу...» Кто из собратьев господина Надо не утверждал и не утверждает подобного? Показное провозглашение независимости своих взглядов уже давно стало характерной чертой буржуазной критики.

Нет, господин Надо решительно не оригинален в этом своем заявлении. Не оригинален он и во всех своих статьях и сочинениях. Он пишет то же, что и многие другие. Но тем-то, собственно говоря, он и «интересен», потому-то о нем и стоит поговорить, как о явлении, типичном для наиболее реакционной части французской буржуазной критики.

Господин Надо не хочет сформулировать основные положения своей доктрины и системы. Он утверждает, что у него нет ни того, ни другого. Не будем торопиться верить господину Надо на слово, обратимся к его сочинениям, они помогут нам разобраться и в системе взглядов почтенного критика, и в том, почему он пытается изобразить себя «свободным мыслителем».

Как и вся реакционная французская критика, Морис Надо, раболепствуя перед американцами, старательно содействует насаждению растленной американской литературы во Франции. И это можно было бы назвать первым пунктом доктрины Надо.

«...Нас интересуют американские писатели младшего поколения»,— писал Морис Надо в январе 1951 года в статье, на все лады расхваливавшей современную американскую литературу. В восторг господина Надо привели не какие-нибудь стилистические красоты, содержащиеся в произведениях любезных его сердцу реакционных американских писателей, а то, как они трактуют «великий вопрос: война, политика, социальное состояние». У идеологов американского империализма предлагает г-н Надо учиться французским писателям, их отравленные книги хочет он видеть в руках французского читателя.

Реакционное французское литературоведение, оказывая посильную поддержку идее пресловутого «европейского сообщества», усиленно стирает грани между национальными литературами. «Европеизм» по праву может быть назван вторым пунктом доктрины Надо.

Морис Надо называет своими «соотечественниками» всех писателей, которые «принадлежат отныне к нашей великой родине — Европе». «Мы все,— говорит он,— находимся на одной галере, и это не только литературная галера». Кто же эти «мы», от имени которых выступает здесь г-н Надо? «Гребцы на европейской галере» подобраны им один к одному. Это такие матерые реакционеры, как английский писатель-человеконенавистник Джордж Оруэлл, итальянский писатель-ренегат Игнацио Силоне, предатель своего народа румынский писатель Георгиу и другие.

Хор этих грязных дельцов от литературы, которые никогда не имели и не имеют ничего общего со своим народом, г-н Надо называет «нашим голосом». Как известно, этот «голос Европы» старательно подпевает «Голосу Америки». Потому-то он так дорог и мил г-ну Надо, пропагандисту отравленных космополитических идей.

Обливать грязью лучшие национальные традиции и выдавать за «воплощение французского духа» всякую нечисть — это третий пункт доктрины Надо.

В то время, когда народы чествуют Виктора Гюго и Коперника, Гоголя и Авиценну, всех, кто нес свет и красоту человечеству, Надо и ему подобные извлекают из смрада истории презренные тени.

Извращенное творчество маркиза де Сада — вот кумир, которому поклоняется г-н Надо и которому он хочет заставить поклоняться других, чтобы ссылкой «на примеры прошлого» оправдать дикую патологию нынешней буржуазной литературы.

От автора восторженного исследования о «творчестве» пресловутого маркиза де Сада не приходится ожидать сколько-нибудь правильной оценки великих писателей прошлого.

Вот пример того, как «критик без доктрины и системы» излагает сущность творчества Бальзака. Согласно новейшим открытиям Надо, целью творчества великого романиста является... «создание мифов (внушенных личной организацией и философией), изгнание путем писания таинственного из мира, тоски из человека, сверхестественное видение и поиски абсолюта (по ту сторону пространства и времени), смешение ангельского и сатанинского». Французский прогрессивный критик Жан-Луи Лесеркль назвал это изречение г-на Надо «чистейшим бредом». Нельзя не присоединиться к его мнению, но нельзя и особенно удивляться тому, что из-под пера г-на Надо выходят такие строки.

Реакционная французская критика клевещет на молодую прогрессивную литературу Франции, на писателей, которые следуют в своем творчестве по пути социалистического реализма. Г-н Морис Надо и по этой части, которую можно было бы назвать четвертым пунктом его доктрины, не отстает от других.

В прошлом году он выступил с развязной клеветнической рецензией на роман Андре Стиля «Первый удар», обрушившись на общие принципиальные особенности произведений социалистического реализма.

Чем же не по душе социалистический реализм г-ну Надо, стремящемуся разоружить читателей, лишить их веры в литературу высоких и честных идей? Что не нравится ему?

Прежде всего то обстоятельство, что «коммунистический роман» (так г-н Надо называет произведения, подобные роману Андре Стиля)... крайне ограничен. Эта его ограниченность, по г-ну Надо, состоит в том, что он может быть только назидательным. Мораль, так сказать, пожрала роман (г-н Надо не просто сожалеет, он скорбит). Но г-н Надо — не какой-нибудь бесстрастный летописец фактов, он смело прибегает к анализу. Ларчик, оказывается, открывается очень просто. «Член партии,— укоризненно рассуждает Морис Надо,— ...задался целью бороться против зла, за торжество добра. Приветствуется все, что способно содействовать торжеству добра...»

Но, может быть, г-н Надо слышал о славных традициях классической литературы, выраженных Пушкиным, великим Пушкиным, который гордился тем, что его лира пробуждала добрые чувства в народе? «Пробуждать чувства добрые», поднимать массы к высотам культуры, к великим и благородным целям — в этом особенность всей передовой мировой литературы. Г-ну Надо полагалось бы знать, что и пламенный Виктор Гюго и Ромэн Роллан своими произведениями также стремились пробуждать чувства добрые, и это является прекрасным достоинством их произведений. Но для Надо добро и литература — понятия несовместимые.

В своем стремлении оболгать метод социалистического реализма г-н Надо договаривается до того, что пытается представить его в виде свода каких-то догматических законов, согласно которым пишутся книги. О какой правде жизни может итти речь, сетует г-н Надо, если... «в СССР сейчас установлен предел, согласно которому герои должны быть избавлены даже от физических недостатков...» Последовательности ради г-ну Надо остается заодно сообщить своим читателям, что вслед за установлением этого предела такие книги, как «Повесть о настоящем человеке» и «Как закалялась сталь», были немедленно изъяты из всех советских библиотек.

Сколько Надо может, столько и хитрит. Как может, так и обманывает, как умеет, так и лжет. Он обвиняет теоретиков социалистического реализма в том, что они якобы игнорируют художественное мастерство, что форму и всякое стремление художника совершенствовать средства выражения они называют формализмом.

Такие откровения никак нельзя объяснить безобидной наивностью или невежеством Мориса Надо. Французская прогрессивная печать за последние годы широко освещала подлинные взгляды на художественное мастерство, которых придерживаются последователи социалистического реализма.

Высказывания А. А. Жданова, многочисленные статьи и советских и передовых французских писателей и критиков, подвергающие суровому порицанию несовершенные произведения литературы и искусства, требующие неустанной работы над их художественной формой,— все это не может быть не известно Морису Надо. Французская передовая критика справедливо писала, что «социалистический реализм приводит художника и писателя в такое состояние, когда все элементы творчества — тема, сюжет, композиция, форма и т. д. — соединяются в синтез».

Г-н Надо знает об этом, но его хозяева повелевают ему лгать, и он лжет. Почтенный критик в статье о «Первом ударе» много рассуждает о форме, но рассуждения эти вызваны прежде всего тем, что ему не нравится содержание романа Стиля. «Автор доказывает, что против американцев нужно организовать новое «сопротивление»,— с наигранным недоумением пишет Надо. К чему?! Зачем?! По его мнению, американцы не перешли «предела, дозволенного в мирное время». Г-н Надо знает, что факты не на его стороне, и поэтому предпочитает говорить о содержании «Первого удара» вскользь, мимоходом, полагаясь на то, что ему поверят на слово, стремясь потопить вопрос о содержании в разглагольствованиях о форме, также не подкрепленных никакими фактами.

Г-ну Надо неприятно, что во Франции все больше появляется правдивых книг, содержанием которых является борьба французского народа за мир, за хлеб, за национальную независимость. В центре этих книг — французские патриоты, французские коммунисты, люди, достойные того, чтобы быть предметом положительного изображения в произведениях искусства. И такие, например, книги, как «Первый удар», как роман Арагона «Коммунисты», действительно прославляют лучших людей Франции и убеждают, вопреки стараниям Мориса Надо и его собратьев, в том, какой низкопробной ложью является клевета на французских коммунистов, распространяемая реакцией.

В романах Андре Стиля и Арагона противоречивые явления жизни, так же как и противоречивое развитие характеров, изображены с правдивостью высокого реализма, которому присуща не только точность детали, но и умение при передаче частного видеть общее, видеть движение этого общего, его объективное развитие. Разве не пафос развития, сложного и трудного, неумолимого и закономерного развития французского общества середины XX века является душой романа Луи Арагона?

Морис Надо мог бы с успехом оболгать и Бальзака, заявляя, что великий реалист по готовому рецепту показывал исторически верную картину падения излюбленных им аристократов и возвышение буржуазии. Но кто «завербовал» Бальзака? Кого в этом обвинит Надо? Бальзака завербовала правда истории, правда жизни, которой следовал великий художник так же, как следуют ей замечательные реалисты нашего времени — и Андре Стиль, и Луи Арагон, и многие другие.

Схематизм, отсутствие живых многосторонних характеров — вот недостатки, которые пытается объявить Надо характерными для метода социалистического реализма. Но сколь несостоятельна вся эта мелкая ложь, можно судить хотя бы по статье известного режиссера и театрального критика Жан-Луи Бори, напечатанной в буржуазном журнале «Газетт де леттр». Речь в этой статье идет об «Оптимистической трагедии» В. Вишневского. Поставленная в Париже, она привлекла большое внимание печати.

Высоко оценивая «Оптимистическую трагедию», Жан-Луи Бори писал, что она увлекает, «потому что герои пьесы живут.. они не набальзамированы для исторических музеев. У них свои недостатки, им ведомы и трусость, и любовь, и честолюбие, и заблуждение... Вишневский ни разу не прибегает ни к вымышленным образам, ни к благочестивой иллюстрации для поучительного календаря».

Нет, не там, где следует, ищет литературу, изготовляемую по рецептам, наш «критик без доктрины и системы». Ему, например, стоило бы заинтересоваться пьесой Робера Бовэ «Величайшее оскорбление», в которой повествуется о некоей оккупированной стране, где женщину насилует офицер оккупационной армии, причем муж, заискивающий перед оккупантами, утешается мыслью, что жена его изнасилована не кем-нибудь, а весьма высокопоставленной особой. Выведенный в пьесе поэт, ранее призывавший в своих стихах к борьбе за независимость, с приходом оккупантов быстро меняет взгляды, уничтожает свои стихи и начинает старательно служить захватчикам. Мораль этой пьесы вполне очевидная: прислуживай оккупанту, распластывайся перед ним, даже если он оскверняет твой дом, плюй на свои убеждения, топчи их в грязь. Разве мало произведений написано по этому рецепту?

Или вот еще один рецепт. По этому рецепту пишутся десятки романов с единственной целью оболгать компартию, коммунистов, показать их людьми нестойкими, мятущимися и приходящими к выводу о необходимости покинуть ряды партии. Г-ну Надо, вероятно, нетрудно будет вспомнить романы Раймона Абеллию, напичканные клеветой на компартию и коммунистов.

Кстати сказать, критики, прославляющие подобные «произведения», отнюдь не обнаруживают в них художественной беспомощности. Очевидно, они считают, что в этих антикоммунистических «шедеврах» все убожество с лихвой восполняется грязью и смрадом.

В полемическом задоре г-н Надо обрушивается и на Александра Фадеева, в частности, за то, что писатель этот не однажды высказывался о призвании художника смотреть вперед, в будущее. Это вполне справедливое положение г-н Надо ловко противопоставляет объективному показу действительности, против чего якобы выступает Фадеев. Советские писатели никогда не были против объективного показа действительности, и даже больше — именно за объективный, правдивый показ они и ратуют. Но, к сведению г-на Надо и ему подобных, этот объективный показ действительности, основывающийся на принципах передового научного отношения к действительности, на политической зоркости художника, не имеет ничего общего с буржуазным объективизмом, пытающимся слепо следовать за фактами, не разбираясь в их существе и значении, и тем самым сводящим литературу к натурализму.

Еще в двадцатых годах, выступая против объективизма Тэна, Анри Барбюс писал, что пресловутая «объективность» Тэна — ложь. Если писатель не выражает своего отношения к действительности, если он равнодушен и безразличен к социальной жизни общества, то это уводит его в болото реакции, влечет за собой творческую гибель художника.

Писатель нового типа, как об этом хорошо сказал Андре Стиль, является писателем-бойцом, стоящим в гуще проблем, которые тревожат, захватывают и волнуют весь народ. Он не может быть только свидетелем, бесстрастным очевидцем событий.

Писатель не может быть также ползучим эмпириком, не заглядывающим в будущее человека и человечества, в будущее своей страны. Барбюс, призывая писателей показать величайшую несправедливость общества, организующего войны, считал необходимым для писателей «смотреть в будущее», раскрывать его. «Пусть же писатели видят перед собой ясно и далеко, и пусть они говорят правду»,— писал этот выдающийся художник и общественный деятель демократической Франции.

Передовые писатели современной Франции видят перед собой ясно и далеко, они пишут правду, а грубая клевета на прогрессивную литературу, которую сеет в своих статьях Морис Надо и подобные ему, начинает вызывать отвращение даже у людей, весьма далеких от коммунистической партии.

Честные писатели из буржуазного лагеря постепенно убеждаются в том, что политика и мораль современной правящей верхушки становятся все более антигуманными, антидемократическими, порывающими с интересами нации, народа, интересами подлинной культуры и цивилизации.

Некоторые писатели, выступавшие ранее с «черными» романами, сейчас отходят от своих излюбленных тем.

***

Бессилие и вырождение буржуазной критики — явление столь же закономерное, как и падение буржуазной литературы, ибо они порождены одной и той же умирающей, насквозь прогнившей идеологией. Ложь и клевета — вот оружие буржуазной критики, хвастающей верностью принципам чистого искусства и разного рода идеалистических эстетик. В их писаниях поддержка клеветы на все передовое сочетается с яростной защитой эстетики декадентства, эстетики ползучего натурализма.

Все завоевания передовой критической мысли на протяжении многих лет ее развития отвергаются буржуазной критикой. Социальное значение искусства, его огромная воспитательная роль осмеиваются буржуазной критикой, как примитив.

Реакционная критика восхищается тем, что глубоко чуждо народу, идет вразрез с его кровными интересами, и хулит все прогрессивное, что достойно похвалы и поощрения. Отсюда ясен весь огромный вред прикрывающихся мнимой объективностью статей и рецензий, которые во множестве выходят из-под пера г-на Надо и ему подобных.

* Maurice Nadeau. «Littérature présente», Corrêa. 1952.

МИЛИТАРИСТСКИЙ СОЮЗ АДЕНАУЭРА СО „СТАЛЬНЫМ ШЛЕМОМ“

24 февраля 1951 года в боннском «рейхе» было объявлено о возрождении «Стального шлема». Это было сделано, конечно, не без ведома г-на Аденауэра. Но если факт появления на политической арене Западной Германии этой старой организации германских милитаристов и был встречен с удовлетворением боннской кликой, то у миллионов немцев он вызвал чувство серьезной тревоги.

Мне вспоминается архивариус городского магистрата в Хемнице (ныне — город Карл Маркс-штадт) Курт Штраус, болезненный человек, искалеченный в годы войны. Говоря об активизации многочисленных фашистских организаций в Западной Германии, он произнес тогда тоном глубокого убеждения:

— Раз опять появился «Стальной шлем», появится и новый Гитлер... Если, конечно, наш народ не обуздает эту банду.

У Штрауса — жизненный опыт человека, побывавшего в мясорубке двух мировых войн, развязанных германскими империалистами. Его специальность — история родной страны. Поэтому архивариус знает, что говорит. Во время нашей беседы он показал мне несколько фотоснимков, хранящихся в городском архиве. На одном из них был заснят расположившийся на главной площади города отряд упитанных молодчиков, экипированных на военный лад, в массивных шлемах. Под снимком стояла дата: «1925 год».

— Вот они, предвестники,— щелкнув пальцем по фотографии, заметил Штраус. И тут же показал другую, помеченную 34-м годом. На той же площади, перед средневековой городской ратушей был запечатлен парад коричневой «гвардии» Гитлера — штурмовиков.

— А вот и продолжатели!

Эту преемственность, подчеркнутую архивариусом Штраусом, отчетливо понимают ныне миллионы простых людей Германии. Слишком живы, неизгладимы в памяти события германской истории последних десятилетий. Анализируя их, нетрудно понять, что «Штальгельм» — «Стальной шлем», созданный усилиями германских империалистов, жаждавших реванша после поражения в первой мировой войне, расчищал дорогу гитлеровским агрессорам.

Теперь «штальгельмовцы» снова нужны тем, кто выступает против создания единой, демократической, миролюбивой Германии, кто хочет превратить страну в очаг новой войны в Европе. Именно поэтому канцлер Аденауэр и его правительство благословили возрождение «Стального шлема», а их заокеанские покровители всячески поддерживают и оберегают этот союз ландскнехтов агрессии и реванша.

Для того, чтобы было понятно, какая роль предназначается «Стальному шлему» в нынешней боннской «республике» Аденауэра, напомним вкратце прошлую историю этой организации.

...Ноябрь 1918 года. Пробил последний час кайзеровской Германии. Волны революционного подъема потрясают цитадель рурских королей стали и прусских юнкеров. Но контрреволюция уже собирает силы. Одним из ее ударных отрядов и становится «Стальной шлем». Его возглавил кайзеровский офицер, фабрикант Франц Зельдте.

«Независимая организация бывших фронтовиков... Чуждое политике беспартийное братство товарищей по оружию». Такова была лживая вывеска «Стального шлема». Под этой вывеской зрела, множилась числом, накапливала силы махровая черносотенная милитаристская организация. Находясь целиком и полностью на службе империалистических хозяев Веймарской республики, члены «Стального шлема» специализировались на срыве забастовок, разгроме профсоюзов, терроре против компартии и всех демократических сил немецкого народа. Контрреволюционное отребье прокладывало дорогу фашизму.

Но «Стальной шлем» играл еще и другую, также немаловажную роль. По-военному сколоченные и вымуштрованные отряды «штальгельмовцев» стали надежным резервом известного милитариста генерала Секта и его «черного рейхсвера», а позднее дали гитлеровской армии наиболее закаленные и подготовленные кадры профессиональных убийц. К 1932 году их было уже 200 тысяч, и эти 200 тысяч ждали только команды, чтобы ринуться в грабительский поход за чужими землями и чужим добром. И команда, как известно, последовала...

Умерший в прошлом году бывший второй председатель «Стального шлема» Дюстерберг незадолго до смерти выпустил мемуары под названием «Стальной шлем» и Гитлер». Факты, приведенные в этой книге, неопровержимо доказывают, как ни старался это затушевать автор, что «штальгельмовцы» были верными слугами Гитлера.

Так, например, Дюстерберг признает, что не кто иной, как он сам, получил от руководства нацистской партии «почетный» пригласительный билет на нюрнбергский съезд гитлеровцев! Билет был помечен № 2. Нетрудно догадаться, что столь высокой «чести» Дюстерберг удостоился за услуги и помощь, оказанные Гитлеру «Стальным шлемом».

Красноречивы и другие факты. Еще в 1929 году организация Зельдте и Дюстерберга вместе с нацистской партией Гитлера образовала единый «национальный блок», направленный против демократических сил немецкого народа.

В 1933 году оба главаря «Стального шлема» послали Гитлеру приветственную телеграмму. В этой телеграмме на все лады превозносился фашистский фюрер, давались заверения в том, что «Стальной шлем» хочет под водительством Гитлера участвовать «в создании величия немецкой нации» и стоит за фюрера «сплоченным боевым фронтом».

«Стальной шлем», таким образом, выполнил задачу, возложенную на него германскими реакционерами в период между первой и второй мировыми войнами. Потом, в годы гитлеровской диктатуры, его самостоятельное существование потеряло смысл. Правда, гитлеровцы в течение некоторого времени еще сохраняли его остатки под вывеской «Национал-социалистского союза бывших фронтовиков». Затем членов этого «союза» оптом включили в гитлеровскую партию.

Сейчас реваншистская клика Аденауэра поддерживает и опекает банду, организованную милитаристами и именуемую, как и прежде, «Стальным шлемом». Перед ним ставятся при этом прежние цели: борьба против демократических сил немецкого народа, подготовка кадров для новой агрессивной войны. Но размах нынче куда шире. В короткий срок число членов «Стального шлема» достигло 135 тысяч. Его отделения имеются во всех западногерманских землях и в Западном Берлине.

Возглавлять «Стальной шлем» боннские реваншисты поручили теперь лицу, перед позорной репутацией которого бледнеет фигура Франца Зельдте — основателя «Стального шлема».

Имя нынешнего его председателя — Альберта Кессельринга по праву проклято миллионами людей в Европе. Руки гитлеровского фельдмаршала Кессельринга обагрены невинной кровью женщин и детей Советского Союза, Франции, Польши, Италии и других стран. Он причастен к самым чудовищным актам гитлеризма — к варварскому уничтожению жителей чешской деревни Лидице и французского селения Орадур-сюр-Глан. По приказу Кессельринга, в пещерах близ Рима эсэсовцы расстреляли из автоматов 335 мирных граждан итальянской столицы.

Военный преступник Кессельринг избег наказания. Правда, в 1945 году английский военный суд приговорил нацистского фельдмаршала к смерти. Однако по настоянию военных властей США смертную казнь Кессельрингу заменили «пожизненным» заключением в... комфортабельной гостинице в Верле, именуемой тюрьмой. В прошлом году его выпустили. И вот этот палач, гитлеровский последыш, — во главе «Стального шлема».

Кессельринг занял уготованный ему пост, осчастливив перед тем репортеров реакционных газет следующим циничным заявлением: «Мое будущее находится в моем прошлом».

Этот зловещий афоризм ясно указывает, по какому пути следует сейчас «Стальной шлем» под его руководством.

Под стать Кессельрингу и другие главари этого милитаристского союза — Гейнц Леман — второй председатель «Стального шлема», барон фон Ротберг и прочие. Закулисные хозяева «Стального шлема» беззастенчиво выдвигают на руководящие должности отъявленных авантюристов, готовых на любое преступление против человечества и собственного народа.

Тяжелый солдатский топот все чаще сотрясает улицы и площади западногерманских городов. «Стальной шлем» снова марширует в ногу с другими формированиями восстанавливаемого вермахта...

Наемники преступного блока американских империалистов и германских милитаристов маршируют снова под военным знаменем гитлеровского «рейха». Их нынешняя программа — так называемые «двенадцать заповедей». Составленные в нарочито выспренних выражениях, эти заповеди, тем не менее, достаточно ясны: «Стальной шлем» в духе «фронтового товарищества» объединяет военнослужащих бывшей фашистской армии Гитлера, выступает «за сохранение солдатских традиций», стремится привить западногерманской молодежи «свое собственное понятие о долге и чести, свои знания и опыт закаленных фронтовых солдат с тем, чтобы немецкая молодежь была способна в будущем взять на себя всю полноту ответственности»...

Зная волчью повадку германских милитаристов, нетрудно расшифровать, что именно кроется за этими словесами. А если к «двенадцати заповедям» прибавить множество устных и печатных выступлений главарей «Стального шлема», в которых они высказываются еще более откровенно, то картина получается совсем отчетливая.

На страницах журнала «Дер Штальгельм» — печатного органа этого милитаристского союза — постоянно мелькают, например, такие призывы: «Мы должны создать испытанный корпус командного состава», «добьемся усиления готовности к обороне» (так уж принято у поджигателей войны называть подготовку к агрессии). А в начале июля очередной номер «Дер Штальгельм» вышел с рекордно циничным заголовком: «Мы хотим победоносно разбить Францию». Разжигание реваншистских настроений, провокационные призывы к насильственному отторжению чужих земель, к порабощению соседних народов, — таково постоянное содержание пропаганды, ведущейся «Стальным шлемом».

В рядах этой организации культивируется звериная ненависть к прогрессивным, демократически настроенным немцам. Типично в этом отношении выступление некоего Бронинга в «Дер Штальгельм». В статье этого фашиста содержится прямой призыв к физической расправе над коммунистами и другими активными сторонниками мира и единства страны.

«Стальной шлем» причастен к многочисленным террористическим актам против сторонников мира в Западной Германии, к фашистской провокации 17 июня в Берлине.

Немецкая печать не раз обращала внимание на тот факт, что «Стальной шлем» возродился именно тогда, когда боннская клика реваншистов начала по указке Пентагона усиленно сколачивать новый вермахт, прикрывая это дело дымовой завесой «европейского оборонительного сообщества». Связь «Стального шлема» с агрессивными планами вдохновителей этого опасного предприятия несомненна.

Близкая к «Стальному шлему» милитаристская «Зольдатен цейтунг» откровенно писала еще в сентябре 1951 года: «Солдат-эсэсовец, бывший некогда вдохновенным борцом против красного потока, не может придерживаться принципа «без меня». На восточной границе Европы нужны сейчас решительные люди. И такой отряд убежденных борцов, вдохновленных идеей борьбы против большевизма, — идеал для создаваемого сейчас «Европейского оборонительного сообщества».

Понятно, что в верности подобной «европейской идее» и клянутся руководители «Стального шлема». Так, член его главного правления Гиргензон в интервью корреспонденту западногерманского агентства ДПА заявил, что «Стальной шлем» целиком «поддерживает европейское объединение». О том же заявлял и сам Кессельринг.

Откуда, спрашивается, такая подозрительная любовь к «европейскому объединению» у самых отъявленных германских шовинистов и милитаристов? Она появилась у них по той же причине, по которой за «объединенную» по американской мерке Европу стоит и Аденауэр. Уж эти-то господа отлично понимают, что такая Европа будет у них под сапогом, а так называемая «европейская армия», подчиненная возрожденному вермахту, позволит им разговаривать со своими «партнерами» языком ультиматумов и военных приказов.

Понятно поэтому, что между реваншистами из «Стального шлема» и реваншистами из кабинета Аденауэра существует трогательное согласие. Недаром и резиденцией главного правления своего «союза» Кессельринг избрал именно Бонн — штаб-квартиру западногерманских милитаристов, врагов мира и единства Германии. Так Аденауэру, Бланку, Леру и другим заправилам боннской клики проще поддерживать непосредственный контакт с главарями «Стального шлема», направлять его преступную деятельность. Барон фон Ротберг на одном из сборищ штальгельмовцев в Ландау с полным знанием дела отметил, что ратификация боннского и парижского милитаристских соглашений создает еще более благоприятные условия для деятельности «Стального шлема», которая ведется, как он выразился, «при поддержке правительства Аденауэра».

«Стальной шлем» платит Аденауэру той же монетой. Его мнимая «беспартийность», политический «нейтрализм» — лишь неуклюжая маскировка, рассчитанная на простаков. Этот вымысел, в частности, полностью разоблачен в ходе нынешней кампании по подготовке и выборам в бундестаг. Сначала член главного правления Гиргензон от своего имени призвал молодчиков из «Стального шлема» поддержать на выборах Аденауэра. А вскоре последовало и официальное обращение главарей «Стального шлема» к своим единомышленникам с призывом — голосовать за кандидатов боннской правительственной коалиции. Кроме того, «Стальной шлем» оказал и оказывает немало услуг боннской клике, принимая активное участие в разнузданной кампании клеветы и террора против патриотов, сторонников мира и единства Германии.

Германские милитаристы и их заокеанские покровители хорошо знают, как велико и сильно в массах немецкого народа стремление к миру, к объединению Германии мирным путем. Потому-то даже главари «Стального шлема» вынуждены время от времени вносить в свои реваншистские выступления изрядную долю фальшивой демагогии. Так они пытаются усыпить бдительность немецкого народа, сумевшего сделать выводы из уроков собственной истории. К числу подобных демагогических затей последнего времени относится, в частности, так называемое «Гиссенское послание». В этом документе, принятом 11 июля на съезде «Стального шлема» в Гиссене, наряду с обычными реваншистскими призывами, имеются и камуфляжные слова о «верности демократии». Авторы «послания» признали ошибочным принятое ранее решение не допускать в «Стальной шлем»... членов профсоюзов.

Это последнее заявление особенно любопытно. Заигрывая с западногерманскими профсоюзами, вожаки «Стального шлема» явно заботятся о расширении контингентов своей милитаристской организации. Они лезут из кожи вон, чтобы любой ценой напялить военную форму на западногерманских трудящихся.

Однако в Западной Германии нынче мало охотников проливать кровь за барыши Круппа и его заокеанских партнеров. Усиливающаяся борьба за создание единой, демократической, миролюбивой Германии, яркий пример Германской Демократической Республики, творящей с бескорыстной помощью Советского Союза мирную и счастливую жизнь для немецкого народа, — вот факторы, которые оказывают все более сильное влияние на мысли и поступки рядовых немцев в Западной Германии. В таких условиях ставка на «Стальной шлем» — плохая ставка. Она, как и вся политика Аденауэра и ему подобных врагов мира, врагов единства немецкого народа, в конечном счете неминуемо потерпит крах.

М. КАРПОВИЧ

БЕРЛИН

Наемные солдаты нового вермахта принимают присягу в Кобурге (Западная Германия)

Снимок из швейцарской газеты «Ди тат»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Датская газета «Информашон» в статье под заголовком **«Датские нацисты снова поднимают голову»**, опубликованной 8 августа 1953 года, пишет:

Information

De danske nazister rejser hovedet igen

Samtidig med, at nynazistiske organisationer skyder op i Vesttyskland som paddehatte, og tidligere nazister opstilles som kandidater til det tyske forbundsdagsvalg, lader det til, at de danske nazister har rejst hovedet igen. I de seneste dage er der udkommet et nyt numer af »Fædrelandet«

«Одновременно с тем, что неонацистские организации вырастают в Западной Германии, как грибы-поганки, и бывшие фашисты выдвигаются в качестве кандидатов на выборах в немецкий бундестаг, похоже, что и датские нацисты снова подняли голову. Совсем недавно вышел новый номер «Фэдреландет»[1]...».

Далее в статье говорится по поводу «Фэдреландет»:

«Газета отпечатана на ротаторе, но снабжена тем же титульным заголовком, что и прежняя «Фэдреландет», с изображением корабля викингов и свастики. На последней странице указывается, что эта газета является «боевым органом ДНСАП»[2] и что контора партии и редакции находится на улице Санкт Кнудсвей, дом 5, третий этаж, справа».

Комментарии излишни!

[1] «Фэдреландет» — орган датской фашистской партии, прославлявший Гитлера в годы немецкой оккупации Дании.

[2] ДНСАП — датская фашистская партия.

Выставка немецкого плаката

Одним из интересных событий в культурной жизни румынской столицы явилась выставка «Плакат в Германской Демократической Республике», устроенная недавно в Бухаресте.

Представленные здесь работы немецких графиков разносторонне отражают строительство новой жизни в Германской Демократической Республике, борьбу за единую, демократическую Германию, за мир.

Радость побед, достигнутых в восстановлении народного хозяйства, стремление немецкого народа к миру выразил художник Гюнтер Шмитц в плакате «Металл и уголь для дела мира».

Плакат «Вчера и сегодня» работы немецких художников Эриха Роя и Герхарда Фойгта, представленный на выставке в Бухаресте. «Сегодня: здоровая семья — счастливое будущее. Благодаря закону об охране материнства и младенчества и правах женщины», — гласит надпись на плакате.

Плакат художника Вилли Шуберта призывает трудящихся к участию в реконструкции Берлина. Плакаты «Ами, гоу хоум!», выполненный Вильмаром Ригенрингом, «Гонка вооружений за счет народа» Элизабет Шоу и другие отражают протест народных масс против ремилитаризации Западной Германии.

Много работ посвящено темам искусства и культурного строительства в ГДР. «Искусство принадлежит народу» — так назван плакат, на котором изображен Дом культуры при заводе «Макс-хютте». Серия плакатов популяризирует художественные выставки, отдельные театральные постановки.

Как отмечает румынский еженедельник «Контемпоранул», плакаты немецких графиков отличаются разнообразием тематики, богатством композиции, органическим единством текста и образа, живыми, выразительными красками. Выставка в Бухаресте, наглядно демонстрирующая успехи немецких художников в области плакатного искусства за последние годы, служит укреплению культурных связей между Румынской Народной Республикой и ГДР.

На чехословацком курорте

По обоим берегам красавицы Изеры в Турновщине тянутся сказочно-живописные места. Когда-то здесь возвышались феодальные замки Фридштейна, Тросека, Вальдштейна. Теперь от них сохранились только развалины, напоминающие о временах господства феодалов. Это край холмов, величественных скал и очаровательных тихих долин.

«В этом цветущем крае, — рассказывает газета «Руде право», — на одном из холмов расположился дом отдыха имени Миколаша Алеша — один из шести профсоюзных домов отдыха, где проводят свой отпуск матери-работницы с детьми. На опушке леса, у развалин замка Фридштейна, всегда очень весело. Матери танцуют с детьми, поют песенки. Самые маленькие играют в мягкой траве.

— Тут прекрасно, — говорит Дворжакова из Жацлержа, мать троих детей. — Еще никогда я так не отдыхала».

ЯПОНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В. САМСОНОВ

Нарядные центральные улицы японской столицы еще объяты сном, а на окраинах уже зарождается кипучая жизнь. Электрические поезда, с грохотом пересекающие Токио в разных направлениях, развозят первых пассажиров. Это поденные рабочие. На них не увидишь ярких и красочных кимоно. В заношенных армейских кителях, в студенческих куртках или рваных черных плащах спешат они на биржу труда к открытию. Плотная гудящая масса людей постепенно заполняет привокзальную площадь Сибуя и прилегающие к ней улицы. Взоры безработных, в них — ожидание и тревога, устремлены на ворота биржи...

Под железнодорожным мостом — царство мусорщиков. За горами разного хлама не сразу заметишь их убогие жилища — черные железные ящики, крытые кусками рогожи. Но для многих и такие ящики — недоступная роскошь. С первыми лучами солнца целая армия нищих поднимается с тротуаров, обочин дорог, парковых скамеек, которые служили им постелью. В грязных лохмотьях, с корзинами и палками, специально приспособленными для подбирания окурков, бродят они толпами и в одиночку, выпрашивая милостыню.

У мусорных свалок играют дети. Рожденные в стране, где много солнца, свои детские годы они проводят в полумраке кривых улочек, на грязных мостовых и у открытых сточных канав, полных зловонных испарений. Большинство из них прямо с мостовых, заменяющих им ясли и детские сады, попадает на фабрики и заводы. Четвертая часть всех японских рабочих — это дети и подростки, чей труд обходится хозяевам вдвое и втрое дешевле.

Как-то в буржуазной газете «Токио ивнинг ньюс» я прочитал рассказ молодой девушки с текстильной фабрики в префектуре Аици, поведавшей о своем безрадостном житье: «Рабочий день продолжается от 6 утра до 8 вечера, часто заставляют работать до 12, а то и до часу ночи. За весь месяц получаю один-два выходных дня... Вся еда — отходы риса и немного овощей. Мы забыли даже запах мяса и рыбы... Одна подушка на двоих».

Объяснение катастрофическому положению, в какое попал японский народ, очень простое. Прошло восемь лет со дня разгрома Советской Армией главных сил милитаристской Японии. Все эти годы США, нарушив соглашения, заключенные между союзниками в военное время и в послевоенный период, проводят политику подавления национальной независимости страны, превращения ее в военный плацдарм, в очаг новой войны. Опираясь на американские агрессивные силы, японские милитаристы действуют все более открыто. 70 процентов бюджета прямо или косвенно расходуется на перевооружение страны. Возрастающие из года в год налоги — сейчас они отнимают у рабочих почти половину заработной платы — идут фактически на содержание американских оккупационных войск и так называемого «корпуса национальной безопасности», под вывеской которого воссоздается японская армия.

В то же время на протяжении всех послевоенных лет не ведется жилищное строительство, свертываются мирные отрасли промышленности. Однобокое направление внешней торговли, контролируемой США, и непрерывно суживающийся внутренний рынок обостряют экономические трудности. Искусственно созданный военно-промышленный бум выгоден только американским монополистам и японским крупным капиталистам, наживающимся на гонке вооружений.

Впрочем, определенные круги буржуазии начинают понимать, что порочный экономический курс правительства в конце концов неизбежно приведет к кризису. Все чаще повторяются случаи, когда наиболее трезвые представители деловых кругов требуют восстановления экономических связей с Китаем и Советским Союзом.

— Япония не может нормально существовать в экономическом отношении, — заявил однажды президент крупнейшей торговой фирмы «Окура» г-н Имаи, — без расширенной торговли с соседними странами. Поэтому мы должны быть готовы к возобновлению торговли с ними при первом же благоприятном моменте. Сейчас же нужно вести переговоры...

В прошлом году, по инициативе группы дельцов, была организована японо-китайская торговая ассоциация, объединившая до 100 торговых и промышленных фирм. Эта ассоциация заключила торговое соглашение о товарообороте между Японией и Китайской Народной Республикой на сумму 30 миллионов фунтов стерлингов с каждой стороны. Опасаясь того эффекта — экономического и политического, — который дала бы реализация подобного соглашения, правительство Иосида официально запретило и аннулировало заключенную ассоциацией сделку.

В начале этого года представитель фирмы «Окура» г-н Хонда, по поручению того же Имаи, выступил на собрании Общества японо-советской дружбы. Г-н Хонда публично заявил о неотложной необходимости установить торговые связи с соседними странами, независимо от того, желают этого США или нет. На собрании присутствовало около 400 человек, в том числе представители печати и деловых кругов, деятели культуры и науки, члены парламента. В своих выступлениях все они подчеркивали, что движение за торговлю с Китаем и СССР является в настоящее время самым популярным в стране.

Американские представители в Токио всеми способами противодействуют этим настроениям. К каким крайним средствам они при этом прибегают, показывает хотя бы история с президентом фирмы «Тамоэ» Сакураи. Невзирая на запрет, он отправился в Пекин и подписал там контракт на импорт соевых бобов и корма для скота в обмен на велосипеды. Находясь в Китае, Сакураи принял участие в Конгрессе народов стран Азии и Тихого океана в защиту мира. По возвращении в Японию встречать его в порту Модзи собрались толпы людей, прибыли корреспонденты многих газет. В американском посольстве «нелойяльное» поведение президента фирмы «Тамоэ» вызвало переполох. С помощью японской полиции он был снят с парохода и под конвоем доставлен в Токио.

...Вдоль массива больших домов, обнесенных кирпичными стенами, тут и там разукрашенных вывесками на английском языке, тянется широкая асфальтированная магистраль. Стремительно несутся по ней армейские грузовики, штабные лимузины, автобусы с различными знаками вооруженных сил США. На перекрестке — американский полицейский, регулирующий движение. На шее у полицейского повязан шарф апельсинового цвета, чтобы блюститель порядка был виден издалека. По тротуарам, группами и в одиночку, бродят взад и вперед американцы. Отовсюду слышится английская речь.

Американское засилье является сущим несчастьем для Японии. Оно дает себя знать во всех без исключения областях политики, экономики, культуры и быта. Газеты ежедневно пестрят сообщениями о бесчинствах, совершаемых американскими военнослужащими. По словам газеты «Майници», «в Японии преступления совершаются иностранными солдатами быстрее, чем могут о них сообщать газеты». Вот некоторые из этих сообщений: «Американский солдат ударил японского водителя такси по голове пивной бутылкой и убежал, не уплатив за проезд»; «Два американских солдата изнасиловали японскую учительницу»; «Пять американских солдат ворвались ночью в закрытое кафе и, в ответ на просьбу хозяина уйти, перебили все окна».

Однажды я побывал на Канда — традиционном районе по торговле литературой в Токио. Американские издания проникли и сюда. На витринах книжных лавок и киосков прежде всего бросаются в глаза яркие обложки журналов «Лайф», «Кольерс», «Таймс», «Ньюсуик». Полки заставлены американскими детективными романами, комиксами, порнографической макулатурой. Многие из них продаются в переводах на японский язык. Достать же книги некоторых японских авторов, например прогрессивных писателей Токунага и Такакура Тэру, очень трудно.

Заглянув в один из магазинчиков, я увидел людей, читающих книги у прилавков или прямо на полу.

— Это не покупатели, — усмехаясь объяснил продавец. — Студенты...

— Разве мы в состоянии заплатить 1 000—1 500 иен за книжку? — объяснил молодой человек в заплатанной студенческой куртке. — Вот и приходится большую часть дня проводить здесь.

1 500 иен — это примерно седьмая часть месячного заработка высококвалифицированного рабочего!..

Из дальнейшего разговора выяснилось, что студент является членом демократической молодежной организации. Недавно в числе многих других он был жестоко избит полицейскими во время разгона демонстрации. По его словам, с ним это случилось не в первый раз — натренированные в специальных школах американскими инструкторами полицейские разгоняют дубинками любой митинг, демонстрацию.

Незадолго до отъезда из Японии мне случайно довелось стать очевидцем разгона полицейскими стихийно возникшего митинга. На площади Сибуя, у бронзового памятника «Верной собаки Хатико», несколько человек собирали подписи под воззванием против перевооружения страны. Вокруг них собрались группы людей и через некоторое время возник импровизированный митинг. Откуда ни возьмись, появилось три белых грузовика с полицейскими. Привычно орудуя дубинками, они попытались рассеять толпу.

На какое-то мгновение площадь опустела. Казалось, что полицейские одержали полную победу. Но стоило им только рассесться по своим грузовикам, захватив с собой нескольких избитых в кровь арестованных, как люди снова стали собираться у памятника. Через 10—15 минут над площадью вновь разносились лозунги: «Долой перевооружение!», «Долой иностранных оккупантов!», «Японский народ может и будет хозяином своей судьбы!»...

С этой решимостью и мужественной уверенностью простых людей Японии, испытавших на себе все ужасы войны и все беды иностранной оккупации, мне приходилось сталкиваться буквально на каждом шагу. Все громче и громче звучит ныне голос японского народа, поднимающегося на борьбу за национальную независимость, за мир.

Демонстрация японских железнодорожников, требующих увеличения заработной платы. С плакатами, на которых написаны их требования, рабочие на велосипедах проезжают по деловому району Токио.

Снимок из американской газеты «Сент-Луис пост-диспетч»

Главный редактор **Б. РЮРИКОВ.**

Редакционная коллегия: **Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ** (зам. главного редактора), **А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ** (зам. главного редактора), **Н. ПОГОДИН.**

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02848.